

БОРИС ГАНКИН

СКАЗОЧНАЯ РОЛЬ

G. L. M. PUBLISHING
Ann Arbor, U S A

2002

* *

Судьба моя, под занавес позволь
продлить подольше сказочную роль
не зрителя – участника игры,
в которой декорации прекрасны,
любимых лица высветлены ясно,
и не померкли звездные миры.

Судьба моя, мне хочется дышать,
загадки жизни, мучаясь, решать,
а иногда – сдаваться перед ними,
надеяться, что дети путь продлят,
что светел будет внуков зоркий взгляд,
и будет честным родовое имя.

Вот новый день врывается в окно,
расписывая новое панно
лучами солнца и дождем капризным...

Судьба моя, под занавес позволь
продлить подольше сказочную роль
участника круговорота жизни!

1. БЫЛО ВРЕМЯ ОДУВАНЧИКОВ

* *

Было время одуванчиков,
время девочек и мальчиков,
время ветра животворного,
солнечных веселых зайчиков.

А потом из лета синего
куст родился георгиновый,
незаметно, потихонечку
зайчики куда-то сгнули.

Подошла пора осенняя,
на раздумья вдохновенная,
на туманы богатейшая,
захватила цепко в плен меня.

Листопады шелестящие,
под ногой – ковры хрустящие,
меж стволов, отмытых дождиком –
тропка, в зиму уходящая.

* *

Лестничными маршами,
счастливый,
я взлетал все выше к небесам.
Женщинам своим неповторимым
верил,
словно собственным глазам.
И друзьям своим не только сердце –
отдавал всего себя всегда.
Было на кого мне опереться,
потому-то вверх вели года.
И теперь,
когда седьмой десяток
и порою маловато сил,
воздух дружбы и любви мне сладок,
руки милой мне взамен перил...
Стали марши лестниц поположе.
Изменился в чем-то сердца бой,
кажется порою невозможным
вверх идти,
где звезды надо мной.
Но растет мой дом.
И жить – прекрасно.
И друзья еще спешат помочь.

Ближкие созвездия так ясно
зажигает надо мною ночь.

* *

Вперед, дружок,
на золотой лужок,
где дети собираются в кружок,
где наше детство живо до сих пор,
где от души и спор, и разговор,
где первой страсти солнечный романс
внезапно переходит в первый вальс,
и все опять волнует,
как тогда –
в давным давно ушедшие года,
где нету места, говорят, для нас:
там наши внучки милые сейчас.

* *

Эмиграции сладко – соленая быль.
Путь далеким, загадочным был.

Спасибо друзьям, вытирающим пыль
с камней дорогих нам могил.
Спасибо за светлую память о нас,
об оставленных нами домах...

Мы в поиске счастья иного сейчас...

Так было не раз в веках.

* *

Когда пришла пора воспоминаний,
из царства околдованных теней
вдруг потянулись тайно на свиданье
те, кто живет лишь в памяти моей.

Я взял перо.
Я разложил бумагу.
Я был готов –
и я не смог начать:
вдруг понял,
сколько надобно отваги,
чтоб прошлое судить и вспоминать,
чтоб снова пережить свои потери,
свои ошибки снова совершить,
и то, во что еще наивно верю,
неосторожным словом сокрушить.

Ах, голоса любимые, живые,
ах, жизни золотое колесо!

...И на столе лежат листы пустые.
И удлинились ночи.

Вот и все.

* * *

Она спросила меня:
– Ты умеешь петь?

Я ответил:
– Конечно!

Взял гитару в руки:
за нее я готов был тогда умереть!
– не то что петь!...

Извлекал я звуки
из струн, ничего не умея, – любя!

Пел о ней,
о грехе,
о своих желаньях,
а она жадно слушала –
про себя
эту дикую песню под музыку странную...
Голос, рвущийся страстью, ее волновал,
гладил я не ее – дрожащие струны.

И, представьте,
я в точку тогда попал,
одаренный одним лишь:
любовью юной
в первый миг,
в первой точке дальних дорог,
где МЕЧТА и ЛЮБОВЬ писались курсивом!

А потом – сколько я ни пытался! – не мог
ни играть на гитаре,
ни петь красиво...

АПРЕЛЬ

На рыжей крыше я любил
подолгу загорать в апреле.
Я с первых дней весны копил
в груди весеннее веселье.

Внизу гудел машинный век:
троллейбусы, такси, трамваи...
А голуби стремились вверх,
до самых облаков взмывая.

Казалось, за спиной вот-вот
упругие возникнут крылья
и понесут меня вперед,
вслед голубиной эскадрилье.

Быстрее молнии-стрелы
промчусь над крышами и парком
и стану спутником Земли,
веселым ветром,
солнцем ярким.

И песней одарю сосну,
и светом – каменные соты...

Я с детских лет люблю весну
за ощущение полета.

ВСТРЕЧА

Ты приближалась – и росла.
И вскоре
достигла неба.
Это было – чудо.
Никак не мог поверить я, что всюду
осталось все как было:
смех – и горе,
улыбка – и гримаса,
свет – и тучи...

Ты приближалась.
Прошлое исчезло.
В руках судьбы сейчас была ты жезлом –
волшебным жезлом, феей всемогущей.
И я тебе навстречу устремился,
и это был мой час, высокий, звездный –
а в сердце и торжественно, и грозно
какой-то звон об оболочку бился..

ЮНОСТЬ

Дождя счастливое мгновенье,
когда я мог
в апрель вбежать
и водосточных труб колени
на улицах пересчитать,
когда под песни капель звонких
я мог по лестнице взлететь
и в чистые глаза девчонки,
как в воды вешние,
глядеть...

* *

У счастливой любви
нрав всегда молчаливый.
Море песен и слов
у любви несчастливой.

Видно,
этому нас научила природа:
ясный полдень молчит,
но гремит непогода.

* *

На Шорной улице весна звенела,
над Шорной улицей луна плыла...
Там скрипка юности легко запела
и в тихий палисадник увела.

Была девчонка – две косички черные,
слова нашлись – нужнее в мире нет!
Исток апрельский мой – родная Шорная,
ручьём бегущая из давних лет.

Все про меня всегда, конечно, зная,
дарила Шорная мне смех да грусть...

Под скрипку юности неумолкавшую
я с каждым годом медленней кружусь.

* *

Ты была такою нежной –
я боялся прикоснуться.
Ты была такой безбрежной –
просто к сердцу не доплыть.

Я мечтал порою вешней:
если вдруг цветы проснутся –
я решусь букет веселый
на заре тебе вручить.

И дождался.
И решился.
И ушел ни с чем, конечно.
И опять к весне стремился
новые цветы собрать.

Шел к тебе.
И больно бился
о непониманье вечно,
вновь терпенья набирался
новый май с надеждой ждать.

А над городом светили
луны новые,
и звезды
на троллейбусах катались
по гудящим проводам...

И любовь твоя рождалась
и не рано, и не поздно –
точно во время явилась,
чтобы стать подарком нам.

* *

Вдруг сузился мой мир,
огромный до сих пор,
до твоего лица,
румяненного солнцем,
до глаз,
в голубизне которых я тонул,
до губ,
к которым
так сладко мне губами прикасаться,
до ушка,
которое согреть
мне хочется прерывистым дыханьем,
и до волос,
которые лицо огнем веселым обжигают.

Вдруг сузился мой мир –
и оказалось,
нет у него пределов никаких,
и горизонта не могу достичь я,
и высота его – до самых звезд,
а глубина – до любящего сердца.

ПРОСЬБА

Не троньте, годы, милую мою.
Все, что вам нужно,
у меня возьмите!
Она – мое великое открытие,
не троньте, годы, милую, молю!

И до конца моих недолгих дней
сил разрушенья на нее не тратьте.
Любовь мою негаснущей оставьте
и после жизни солнечной моей.

ЛЮБОВЬ

В недобрый час, когда мне будет худо,
пусть память мне поможет вновь и вновь!
Ведь знал и я великую любовь,
способную из прозы сделать чудо,
вдруг из мужчины сотворить дитя,
особый мягкий свет разлить повсюду,
преобразить в поэзию, шутя,
и шелест листьев,
и мытье посуды.

* *

За радугу,
как за рычаг,
возьмусь – и опрокину
вам на колени просто так
цветущую долину:
ее сады,
ее цветы,
всю музыку июля,
чтоб в свежесть этой красоты
лицо вы окунули,
и благодарные глаза
в глаза мои смотрели,
а все,
кто нам кричит:
" Нельзя!" –
внезапно онемели.

* *

Вглядеться снова в прожитые годы,
вновь воскресить их –
драгоценный дар.
Не убегают годы, словно воды, –
они живут,
как скрытый в углях жар:
подует ветерок воспоминаний,
и вспыхнет вновь живительный огонь,
и дни текут –
от первых,
самых давних,
и падают дождинками
в ладонь.

СНЕЖНО

Что ночной снежок
сделал?!
Елочка – стожок
белый,
побелел твой дом
быстро,
носятся кругом
искры.
Солнце и зима –
всюду.
Стала ты сама
чудом:
на твоих плечах –
звезды!
А в твоих глазах:
"Поздно!
В мае бы любил
нежно.
Где же раньше был?.."

...Снежно.

* *

Не смел никто другой тебя заметить,
умчаты тебя за россыпи дождей!
Я должен был тебя однажды встретить
и навсегда похитить у людей.
И встретил.
И похитил всем на зависть.
И берегу.

А дни стремглав летят.
И утро щедро мне приносит радость:
твою улыбку,
твой лукавый взгляд...

* *

В твоих руках – чарующая сила.
Так хорошо всегда с тобой мне было,
такие приходили к нам слова!

А за окном дожди к земле летели,
кружились тополиные метели,
а, может быть, кружилась голова?...

И руки нежно по плечам скользили...

Они меня над миром возносили –
и птицей я себе казался вдруг:
счастливой,
быстрой,
неустанной птицей,
которая к своей судьбе стремится,
не замечая ни дождей, ни вьюг...

* *

Пока существует незримая связь
меж лесом и лугом – и мною,
та песня,
что в сердце моем родилась,
не станет глухой тишиною.

Пока по изгибам коры на стволах
фантазия весело бродит –
пусть прячется старость в далеких углах
и в душу ко мне не заходит.

Пока разделяю с любимой моей
и будни, и праздники –
верьте:
и ночь нипочем мне,
и каждый из дней
вольется мне радостью в сердце.

Бывает, оплачется горестный час,
метелица ухнет совою –
пока остается незримая связь,
душа остается живою!

* *

Мне жаловаться вовсе не пристало:
любовь меня не обошла кругом,
и в добрый час желанная Роксана
вошла, смеясь, в мой юношеский дом.

Я ей шептал стихи.
Она внимала.
И видел я: они ей по душе.
И сколько б ни шептал – ей было мало,
но если б не она – умолк уже.

В ней было что-то, видимо, такое,
чего не обойти, не избежать,
раз строчки много лет текут рекою,
когда пора бы Музе помолчать.

Я знаю,
океаны, горы, реки,
дни, сложенные в жизнь –
они вот тут,
связуют нас, наверно, не навеки,
но все же – не на несколько минут...

* *

От Песни Песен многие века
Любовь ведет мужчин тропой своею.

Но ненависти сила велика:
любовь не в силах справится пока
и совладать за все столетья с нею...

Печальна эта схватка.
Без конца
она калечит судьбы и ломает.

Сын учится у своего отца.
И замкнутость тяжелого кольца
уйти на светлый путь не позволяет.

Но мы – живучи.

И мой сын – влюблен.
Его глаза по-доброму лучатся.

Хоть знает он и понимает он,
что тени зла
опять со всех сторон
сгущаются и злобно копошатся...

НЕУМЕХА

Кем была ты? Неумехой:
ни сварить, ни стол накрыть...
Но какие искры смеха
ты умела подарить!

Было мне совсем неважно –
много, мало ли еды!
Потому что быт отважно
в праздник обращала ты.

Потому что с неумехой
знал я счастье вновь и вновь,
и непройденною вехой
рядом высилась любовь.

* *

С кем согрешил?
Грехи ли это?
Иль яркие осколки света,
что в тучах прошлого живут?
И что бывало в жизни лучше,
чем взрывы чувств,
улыбки лучик,
чем пламя нескольких минут?!
А та, с кем был – ее ли грех,
что проникал до сердца смех,
что все во мне перевернулось,
когда она навстречу шла?

Грех – это делать зло со зла.

А в нас – добром все обернулось.

НОЧИ ЛЮБВИ

“Свеча горела на столе...”

Борис Пастернак

Отгорала свеча на столе...
Но как раз в это время, так кстати,
выплывала в окно на закате
голубая луна.
На земле
было тихо.
Какое нам дело,
что за окнами тени ползут,
что тревога к порогу приспела,
и разлучные ветры поют?...
Были молоды мы и беспечны,
в бесконечность поверив свою...

Оплывали безжалостно свечи.
Лунный свет обращался в зарю...

АХ, ЕСЛИ БЫ

Ах, если бы, ах, если бы
мне жить с тобою вместе бы
не сотню лет,
не двести лет –
еще бы двадцать лет,
под занавес, наверное, забыли бы все скверное,
закаты ненавидели,
любили бы рассвет.
Обиды бы отбросили
мы нашей поздней осенью,
нашли бы друг для друга мы
лишь солнечную даль...
А впрочем, мудрость осенью
к нам не приходит с проседью,
и сколько жизни нам ни дай –
изменимся едва ль...

* *

Двадцатый век – мой век! – уже ушел.

Я влез нахально в век детей и внуков.

Тот век был веком жизненной науки,
мне больно было в нем, но – хорошо.

А в этом?

Что успею я, седой?

Что в старости прибавлю и присвою?

Век двадцать первый мчит над головою,
не слышит, как шепчу ему:
– Постой!..

* *

Кому на поруки мы отданы были?

Тому, что всегда безоглядно любили –
веселым поющим весенним ручьям,
июньским лесам,
листопадам осенним,
везенью в любви и ее невезенью,
и чистым сверкающим белым снегам,

Нам так повезло:

поручители наши
любили нас верно днем светлым, вчерашним,
и нынче нас любят,
и будут любить...

Поэтому нам так ходилось и пелось,
И тихо на месте нигде не сиделось,
и силы хватало до звезд доходить...

ЕСЛИ БЫ

Если б помнились неизменно нам,
не терялись среди пурги,
наших девушек драгоценные
звонкопесенные шаги,
если б не становились привычными
их сияющие глаза –
жизнь текла бы тогда отличная,
от которой устать нельзя.
Годы не были б тяжким бременем,
мир не знал бы завидней судьбы...
Если б не остывать со временем...

Если бы...

Если бы...

Если бы...

СЕМЕЙНЫЕ ССОРЫ

Мы очень много можем натворить,
что час спустя исправиться едва ли...

Учиться бы у птиц как гнезда вить,
чтоб никакие ветры не сломали...

* *

Иногда мне кажется:
детства я не знал.
К худенькой спине его
долго был приставлен
вороненый,
жалящий,
ледяной металл...
Чувствую всей кожей я
холод этой стали.

* *

Когда над детством пошатнулось небо
и рухнуло со звоном с высоты,
я вдруг узнал,
что счастье пахнет хлебом,
надеждой – писем мятые листы.

Давно уж солнце в ясном небе светит,
но, чтобы мир беспечный не ослеп,
настойчиво рассказываю детям,
каким высоким счастьем пахнет хлеб.

* * *

Эшелон, который перед нашим
на восток под вечер уходил,
не прошел и километра даже:
под бомбежку сразу угодил...

Счастливей мы были.

И под утро,
уцелевших подобрав в пути,
мчались,
с ветром соревнуясь будто,
чтобы от смерти в глубь страны уйти...
В щели вихри задували с воем,
заползал в теплушку горький дым...

Ровно шестьдесят тому.

Порою
вымыслом мне кажется все злым.
Оглянусь туда, на путь мой дальний,
на дорогу первую вернусь –
словно распахну на сердце ставни
и в рассветный холод окунусь.

Это было, было, было, было...

Стон и ветер.
Голод.
Стук колес.
Ничего душа не позабыла
из того, что в детстве перенес.

Горечь детских лет не стала легче...

– Не приходит ли болей пора?! –
думалось,
когда пылали свечи

Близнецов в Манхеттене с утра...

*Сентябрь 2001.
Нью Йорк.*

СКАЗКА

Два пряника – два ароматных чуда.
Два пряника, пахнувших медом и мятой!

Мы просто не верили:
"Мама, откуда?"

А мама смеялась:
"Из сказки, ребята!"

Из сказки!

Конечно, тогда, в сорок третьем,
только из сказки могли появиться
в маминой сетке пряники эти:
два щедрых подарка от доброго принца.

Домой мы за мамой бежали вприпрыжку,
мы с маминой сетки глаз не спускали...
Но вдруг прибежали большие мальчишки,
сетку схватили – и убежали.

И солнце расплылось соленой кометой,
растаяли пряники, словно сны...

Вот так и окончилась сказка эта –
одна из многих сказок войны.

* * *

Мне детство не дало ребячиться,
поскольку пришлось на войну.

И в юности было дурачиться,
бездельничать мне ни к чему.

Увы, все, кто вырос из бедности
взрослеют пораньше всегда:
им отсвет особенной бледности
бросают на лица года.

Когда я о прошлом задумаюсь,
вдруг остро припомнятся мне
не игры, а лица угрюмые,
не солнце, а снег на окне.

И женщины взгляд неулыбчивый,
в руке – треугольник письма.

И голос у матери сбивчивый –
смертельно устала она.

Зато не уходят, не прячутся,
не гаснут с течением лет
те годы,
где мне поребячиться,
к несчастью, не выпало, нет...

И юность моя работающая
уже не уйдет никогда,
и счастье мое – настоящее,
на все без остатка года.

* * *

Послевоенная пора.
У нас собраться
семья, друзья любили в те года...

У мамы не было совсем красивых платьев,
нарядных блузок не было тогда...

Но как же мамочка моя была красива,
как папа в гимнастерке строен был!

Я никогда потом с такою силой,
так преданно и нежно не любил.
Тепло мне даже в том бараке было,
где зимний ветер дул со всех щелей:
ведь и меня здесь преданно любили
в тугую пору юности моей.

Давно ушли уже и папа с мамой,
и многие из тех, кто за столом
пил чай,
пел тихо песни,
и упрямо
там, в Минске,
трудно возводил свой дом...

А я все чаще думаю:
как мало
для счастья надо было им, пока
на мамином плече
легко лежала
отца предающая рука...

СЧАСТЬЕ

Я проснулся.

Мама мыла рамы.

И такое небо за окном,
словно и его отмыла мама
ранним утром
вместе со стеклом.

И тогда я притворился спящим,
незаметно наблюдая, как
становился чудом настоящим
день весенний
в маминых руках:
вот капель негромко зазвенела,
вот скользнул несмело первый луч,
и повсюду –
ни метели белой,
ни мороза,
ни холодных туч.

Сколько вьюг над нами пролетало!

...Солнечные зайчики кругом.

Мама,
ты совсем седою стала,
но весну опять приводишь в дом.
Словно паутинка – белый локон.
Первый луч – серебряная нить.

Счастье – видеть:
мама моет окна,
тихо,
чтоб внучат не разбудить.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Тени прошлого упорны и навязчивы.
Хочешь, нет ли –
нам от них не убежать.

Вот и нынче ночью начали мне вкрадчиво
о почти забытой улочке шептать.
О кривом портном-соседе
и о кухоньке,
где светились керосинки – восемь в ряд,
о соседке нашей,
одинокой, сухонькой,
что подслушивала часто всех подряд...

Говорила мама папе шепотом, –
так порой они шептались по утрам, –
что соседка, видно,
письма шлет потом,
чтобы письма прочитали ТАМ.

Где – не понимал...
Но все же выучен
был поменьше говорить уже тогда...

И от этой столь полезной выучки
так и не избавили года:
до конца открыт я был с немногими...

За окошком – луч иного дня
с новыми тропинками – дорогами...

Отцепитесь, тени, от меня!

* * *

Как скромны наши матери:
тихо и просто,
незаметные,
сделали все, что могли.

Как щедры:
подарили и солнце, и звезды,
многоцветье
огромной прекрасной земли.

Как светлы наши матери:
сами сгорают,
чтобы светом любви путь для нас освещать.

Как добры наши матери:
все нам прощают –
даже то, что не надо, наверно, прощать...

* *

В нашем хоре
не солистом
был отец мой –
был хористом.
Но за долгие года
не сфальшивил никогда.

Песню жизни спел он чисто,
что не каждому солисту,
к сожалению, дано,
как известно всем давно...

* *

Мои родные,
там, за тихую рекою,
где быть и мне,
увы, не в самый лучший час –
быть может,
вы нашли хоть чуточку покоя,
которым на земле жизнь обделила вас?

От всех своих трудов,
от войн и революций,
от всяческих вождей –
хоть лысых, хоть рябых,
от леденящих лап,
что утречком скребутся
по стеклам,
и от гроз, свирепых и слепых –
вы отдохнули ли?

Надеюсь, отдохнули...

А годы над землей проветренной летят.
Я вспоминаю вас все чаще...
Потому ли,
что стал уже седым,
и стал грустнее взгляд?

От лет,
когда любил прижаться к вам щекою,
до лет,
когда без вас спешу куда-то вдаль,
жизнь быстро пронеслась бурлящею рекою,
перемешав в себе
веселье и печаль...

* *

Угольком, присыпанным золой,
незаметно тлеет в сердце детство:
чуть подует ветерок –
живой
огонек взлетает надо мной.

Угольком, присыпанным золой,
первая любовь таится в сердце:
согревает в зимнюю минуту,
всходит голубым цветком весной.

ПРИЧУДЫ ПАМЯТИ

Наматываю новые витки
годов
на шпулю жизни.
Почему же
я помню годы,
где жилось мне хуже,
и забываю добрые деньки?

И почему я помню и сейчас
с отчетливостью странной и нелепой
не булочную, что напротив нас,
а тот кусочек ежедневный хлеба,
который звался коротко – ПАЕК?

И почему так часто снится иней,
к утру покрывший стены, потолок,
и ранний свет в окне, угрюмо-синий?

ГРУСТНАЯ РОДОСЛОВНАЯ

В том веке,
где слыл граммофон чудом,
и лампочка чудом слыла,
я и не знаю, родом откуда
моя бабулька была.
А дедушка мой,
из-под Гомеля,
днями
подметки кроил для сапог,
что скоро на свет появиться маме,
представить даже не мог...

Но она родилась!

А к тому мгновенью
уже изменился свет,
и были готовы поля сражений
для будущих славных побед.
И были орудия к бою готовы.
И бегал автомобиль.
И Сталин
на ленинской мудрой основе
был мир обратить в пыль
готов.

Но мама того не знала.
И папа еще не знал.

Он маму потом,
когда пыльно стало,
в Гомеле повстречал.

Вот так,
за мгновенье до тридцать седьмого
я появился.

Тогда

мельница
от рядовых до наркомов
жерновами ГУЛАГА мела.
И оставалось всего три года
до следующей Мировой...
И Гитлер за шиворот брал народы
под самолетный вой.

Играл патефон в нашей комнатке тесной,
под потолком, горяча,
светилась по вечерам,
известно,
лампочка Ильича.

А вскоре на долгие – долгие годы –
коптилка по вечерам...

А бабушку вместе с моим народом
Холокост в одночасье сожрал...

А потом,
в бараке, где радиола
зеленым мигала глазком,
– вот он, прогресс!! –
под мотив веселый
сладким пел голоском
кто-то о космополитах опасных,
о врачах – убийцах...

Чудак,
я смотрел в этот мир,
он казался прекрасным,
мир в преддверье атак.
Сияло солнце.
Сады белели.
Сталин исчез.

И тогда

казалось,
что счастье
– нет выше цели! –
будет со мною всегда.

Уже телевизор – новое чудо –
стал в мир прозрачным окном.

И скоро отцом я счастливым буду,
и дедушкой стану потом.

Новой страны распахнутся двери...

Но отчего, почему
в безоблачность мира
уже я не верю,
и нет теперь моему
сердцу покоя?!

Оно страдает,
когда день за днем подряд
то пиццерия в Тель-Авиве сгорает,
то в Нью Йорке башни горят.

Третья идет...

В этом мире дивном,
где счастье бы сотворить,
где зимою – снега,
а летом – ливни,
где детям и внукам жить...

ВЕСЕЛАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Мой прадедушка Борух говаривал часто:
– Нам даровано Богом еврейское счастье.
Будем рады, что живы,
что есть ребятишки,
есть заботы о хлебе,
одежде,
дровишках.
А что наши враги рядом с нами всегда –
то не наша,
а их и вина, и беда...

Говорят,
он на свадьбах и пел, и плясал,
даже если погром на пороге маячил,
а в субботу он нищего в дом зазывал,
повторя детишкам:
– А как же иначе?...

Был мой дедушка Лейба
начитан, умен.
Назубок знал Святое Писание он
и, когда я из школы домой возвращался,
как он ласково, весело мне улыбался,
хоть война,
и мороз,
и ни крошки еды,
и еще до Победы года оставались.

Все лицо его
светлым и теплым казалось
в обрамленьи прекрасной седой бороды.

Папа,
с фронта вернувшись,
работал, как вол.
Слыл веселым и щедрым наш дом и наш стол,

пелись песни,
и книги читались взахлеб,
о порог разбивались вражда и поклеп,
и порой говорил захмелевший сосед:
– Ты, Арон, не такой, как евреи все, нет...

Только папа мой был
настоящий еврей:
верил в Бога
и был самых добрых добрей...

Так сложилось,
что идиш и хибру не зная,
ни словечка еврейского не понимая,
я по русски читаю, пишу, говорю.

Но, когда мои внучки бегут в синагогу,
переживший немало,
смеющийся много,
я за это судьбу мою благодарю,
повторяя
прадедушку Боруха часто:

– Нам даровано Богом еврейское счастье!

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА В МАЙЯМИ

По руке надежды – к солнцу.
А рука
к небу так тянется пока,
но на ней так трудно удержаться!

И на землю малыши летят,
а отцы их посадить спешат,
а их мамы мертвыми лежат –
никому до неба не добраться...

Как тут сердцу горестно не сжаться?

Там,
за круглую глухой стеной,
как в насмешку,
россыпью цветной
лилии на озере.
Бушует
жизнь.
Прекрасный золотой закат.

Малыши срываются, летят,
рядом с мамами они лежат...
И кулак мой поневоле сжат,
сердце же мое щемит, тоскует...

Так контрастны жизнь вокруг – и зло,
так надолго сердце обожгло
чувством боли, и вины, и грусти...

Никого уже не воротить,
никого не в силах посадить
на руку надежды...

И саднить

будет вечно рана,
не отпустит...

ПОСЛЕВОЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Некормленное тело позабыв,
душа моя карабкалась по строчкам,
глотаючи книги до последней точки
и жизнь иную для себя открыв.

В той жизни было все, о чем мечтать
душа моя не смела в сорок пятом.
Не все в них было близким и понятным,
но как был сладок сам процесс:
ЧИТАТЬ!

Перебирать слова,
познать их власть,
отдаться их течению и кипению,
услышать слов таинственное пенье
и надышаться их озоном всласть!

Там, отзываясь на певучий звук,
в промерзшей комнатке сердце пело,
и все мое некормленное тело
победной силой наливалось вдруг.

ОЧЕРЕДИ ЗА КНИГАМИ

Под снегом и дождем
в очередях не раз
за книгой новой я стоял, бывало.
Потом душе в разлада смутный час
покой мне эта книга возвращала.
И океан пересекли мы с ней,
в иных краях она осталась с нами,
где и в помине нет очередей
за книгой под снегами и дождями...

И слава Богу!
Книг полным полно. ..

Но был особый свет на добрых лицах
людей, кто в дождь и снег давным-давно
за книгою готов был становиться.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Со старинных домов,
о которых никто не заботится,
осыпаются краски
и пылью в пространство летят.

Там, где церковь – красунья,
казалось, навечно возносится,
обескоженным телом руины кроваво горят.

Точно так в наши дни,
когда нечистью улицы полнятся,
а у власти стоящие
думают лишь о наживе своей –
со страны,
о которой давно уж никто не заботится,
ветры времени
резко срывают толковых людей...

* *

Много друзей – это много свиданий,
много любви,
много споров и ссор.

Много друзей – это много прощаний,
каждое раной болит до сих пор...

Лица родные я перебираю,
снова ищу мной потерянный взгляд,
снова, как четками, днями играю,
вдаль ухожу,
возвращаюсь назад.

В поздние годы на раннем рассвете
вновь улыбаюсь бесстрашно друзьям:
наших свиданий живительный ветер
выше всего, что подарено нам.

* *

Интересно, кто кажется внукам старше:
я или Рим, к примеру?

Что подумала бы эта девушка,
если б знала, о чем я мечтаю?

Впрочем, помню:

тридцатилетние
мне казались старыми страшно,
а теперь я порою, видя их,
от их юности тут же таю...

Просто было больше решительности,
и нахальства теперь не густо...

Вот теория относительности,
подтвержденная жизнью искусно...

АЛЬБА АДРИАТИКА

*Это стихотворение было написано
в туристской поездке по Италии, в
августе 1995 года, когда надо было, наконец,
собираться в путь-дорогу, в эмиграцию, и все
было еще непонятным и страшноватым...*

Альба Адриатика.

Идиллия.

Итальянцы.

Море.

Белый пляж.

В дымке над белеющими виллами –
гор далеких голубой мираж.

Скоро – в Минск.

А по пути – Венеция,
завершенье кратких дней в раю.

Жаль,
туристским солнцем не согреться нам,
и пора менять нам жизнь свою:
дети наши далеко – в Америке,
внучки наши подрастают там.

И, выходит,
надо без истерики
в путь-дорогу собираться нам.

Чертим что-то на песке неясное,
строим вместе замки из песка...

Где-то там загадочно опасные
бродят кучевые облака...

* * *

Я выпил молодость,
как сладкое вино.

Хмель выйти должен был давным-давно,
но – молодость припомнится едва –
становится хмельною голова,
я вспоминаю лица, голоса,
проникшие во глубь души глаза,
смешинки в синеве,
порою – грусть,
и во хмелю счастливом я кружусь.

О Господи!

Благословен твой дар:
в седые годы не угас мой жар,
не в тягость до сих пор далекий путь,
не остужает свежий ветер грудь.
А ведь – пора бы повзрослеть мне.

Но –

я выпил молодость как сладкое вино.

* *

Свойство юных –
беспечно купаться
в животворной реке наслажденья,
знать не зная,
что в клятвах таятся
горьковатые зерна забвенья...

* *

Мир – трагичен.
Необычен.
Прям порой.
Порой – двуличен.

Но глазам, ушам, душе
открываются доселе
май – природы новоселье
и декабрь – старик уже...

Я приму все краски, звуки
к солнцу протяну я руки,
я луне пошлю привет,
снегопад возьму на плечи.

...Внучки мне летят навстречу:
– Ні! – кричат мне, – здравствуй, дед!...

* *

Конвертируем любовь
мы в заботы и тревоги,
отдаем ее сынам,
а теперь – и внучкам тоже.

Конвертируем любовь
в дни, недели, и в дороги,
в осень, зиму и весну –
сам не знаю, что дороже....

И в извечной суете
не жалеем мы валюту,
конвертируем себя,
чтоб, опомнившись, потом,
видеть старыми себя в зеркалах,
и почему-то
опознать самих себя
неожиданно с трудом...

* *

Растранижив по мелочам
драгоценные наши чувства,
мы потом говорим грустно:
все, мол, отдано миражам...

Но ведь это было не так:
был нам дан золотой – не пятак!

ЗЕРКАЛО В УГЛУ

Не все ль равно холодному стеклу
ЧТО отражать?
Свет солнца...
темень ночи...

Вглядимся в отражение в углу:
оно бесстрастно истину пророчит,
что время быстро мчит,
а мы, увы,
не соскочили вовремя с подножки,
чтоб погостить у юности немножко.

Но все же зеркала всегда правы,
и отражение в стекле –
рассказ
о том,
что годы сделали из нас.

МЕЧТА О НОВОЙ ВСТРЕЧЕ

Ответит ли эхо, когда я тебя позову?
Заливистым смехом?...
Простыми словами привета?...
Давай-ка попробуем
вместе побыть наяву,
забыв,
что разлукой на встречи наложено вето.
Пол-шарика между...
Все прошлые годы – в душе.
А все же надежда
меня тербит и зовет,
и времени тело мое не сдастся уже,
и сердце мое перебои уже не дает...
Мы силой любви
попытаемся чудо свершить.
Появишься ты.
Мы дорожкой парка пройдем
и вспомним все то,
что вдвоем довелось пережить,
и в новых скитаньях
опору друг в друге найдем.

* *

Холодный ум.
Холодная душа.
Не растопить ничем мне холод этот.
Но как она безумно хороша:
душа – зима,
а оболочка – лето
во всем цветеньи васильковых глаз,
ржанных волос,
румяно-нежной кожи!...

И я штурмую льды в который раз
и падаю без сил у их подножья.

* *

Подозревал ли, что душа
осталась невредимой?
Могу следить я, чуть дыша,
за женщиной любимой,
секунды без нее считать,
по городу метаться,
за прошлое переживать
и к будущему рваться.
Подозревал ли, что и мне
в мои года доступно
и задыхаться в тишине,
и ставить ставки крупно:
на кон – всю жизнь!
И не жалеть,
что можно проиграться,
пропасть,
разбиться,
умереть,
без ничего остаться!

* *

Устойчивы на диво старики.
Их оптимизму можно лишь дивиться.
Хоть нелегко даются им шаги –
но солнечность беззубая на лицах.
Доверчиво улыбчивы глаза,
лишь рытвины болезней на дороге,
а в небе за грозой вслед – гроза,
а им – все хорошо,
все – слава Богу...

* *

Года пришли:
морщины бороздят
мой лоб, как и положено.

А все ж
на зеркало спокойно брошу взгляд
и с нежностью подумаю:
– Хорош!

То, что в других пугает нас,
подчас
нам симпатичным кажется у нас,
и втайне верю я еще вполне:
неравнодушны женщины ко мне,
как я еще неравнодушен к ним –
особенно к девицам молодым!

* *

Всю жизнь я скрытных не любил людей,
хоть весь мой опыт говорит, конечно,
что откровенность – это танец вечный
на лезвиях отточенных ножей...

* *

Душа моя не стареет,
но возрасту тело подвластно.
Весна мою душу греет,
кажется, не напрасно:
рождаются новые строки,
новые песни поются,
дни прошлые одиноко
в стены памяти бьются.

Как яростно светит вишня!
Как весело яблоня светит!
Отчетливо сердце слышит
шопоты их соцветий.
Как птицы самозабвенно
поют по-утру и под вечер!
Ласков необыкновенно,
ветер обнимет плечи...

А возраст напоминает –
малость или не малость? –
вопросом, что вдруг всплывает:
А МНОГО ЛИ ВЕСЕН ОСТАЛОСЬ?

* *

Как странно смешаны подчас
при нашей встрече и прощаньи
и пустота горячих фраз
и переполненность молчанья...

* *

Я не был юным стариком, и мог
влюбляться безрассудно, безнадежно.
Быть в юности глупцом совсем не сложно,
но мудро быть глупцом :
всему – свой срок.

Потом, остепенившись, я умел
собою управлять...

И то – неплохо.

Но я не мудрость пред последним вздохом –
я сумасбродства буду вспоминать.

* *

Я встречаюсь во сне.
Очень часто – не с теми, с кем хочется.

Видно, что-то во мне
начинает ночами ворочаться.

А потом, погодя,
до рассвета лежу бесконечно я,
ото сна отойдя,
ощущая тревогу сердечную
и тоску...

Эти сны –
верный признак, что сердцу неможется:
вместо прежней весны
в нем – предзимье под тонкою кожицей...

* *

Могу себя я в чем-то обмануть
и, грешного, могу себя простить...

Когда уйду, оценит Бог мой путь –
его я не смогу перехитрить.

Но – сладок грех.
Но – короток мой век.
Я – перед Богом жалкий человек,
И, вспоминая жизнь,
клянусь сейчас:
был очень сладок грешный отклик глаз,
и грешный поцелуй был сладок мне,
и тек нектаром шопот в тишине..
Я даже думал, грешный, в час такой,
что лучшее из всех даров – тот грех,
счастливым грех любви
и неземной
ее полет у звезд далеких всех...

А сердце мне тихонько говорит,
что Бог меня когда-нибудь простит.

* *

Блаженство длится пять минут...

Все остальное – ожиданье,
когда,
преодолев страданья,
минуты эти к нам придут...

* *

За тридевять земель – отец и мать,
мне больше к их могилам не припасть...

Но верится:
когда я вспомню вновь
отцовский беспокойный взгляд
случайно
и мамин смех –
путем каким-то тайным
до них всегда любовь моя дойдет.

* *

Далеко не всем дано
мудрость с возрастом прибавить,
стать пророком для людей,
маяки на реках ставить.

Бог пророков изберет –
одного на поколение –
кто умело проведет
поколенья сквозь сомненья,
через страсти и беду,
словно лодки по порогам...

Впрочем, без сомнений нет
ни пророка,
ни дороги...

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

« Не любит...»

Опустила руки,
как два надломленных крыла.

Ушли друзья.
Ушли подруги.
А следом – молодость ушла.

По желобкам густых морщинок
из темных глаз струится грусть.

Десяток книг.
Пяток пластинок.
А жизнь уходит...

Ну и пусть!

И отвергает все на свете.

Лишь больно сердцу иногда:
на лестнице играют дети –
птенцы соседского гнезда.

* *

Так часто предавали, продавали,
что надо бы привыкнуть мне...
Но вот,
когда войду я в новый поворот,
измена вновь иглой в меня войдет –
оправлюсь скоро от нее едва ли.

Спасенье – стол, бумага и перо,
рассвета рассыпное серебро,
и строчки незатейливые эти.
И Муза – верный друг – спешит ко мне,
чтоб о надежде спеть мне в тишине,
с которой легче жить на белом свете...

* *

Как же густо кровь текла по жилам!
Это годы сделали свое:
наша вера затянулась илом,
показалось даже – нет ее.

Но когда мы встретились однажды,
наша вера возродилась вновь:
потекла по-юному отважно
наша застоявшаяся кровь.

И понятно стало вдруг:
от века
счастье, что дорога – далека,
что любовь – и вера человека,
и его бессмертье на века.

* *

Так много мы наделали ошибок:
недодана друг другу тьма улыбок,
не сказано друг другу много слов...

А время катит, крутит и уносит,
оно у нас прощенья не попросит
за небогатый жизненный улов.

И жизнь у нас одна.
Другой не будет.
У нас – не у других! – потом убудет
то, в чем друг друга обокрали мы.

Несказанное слово не вернется,
улыбкой прошлой друг не улыбнется,
свет не прорвется из вечерней тьмы...

РОМАНС

Что остается от гусара,
когда гусару пятьдесят?

Усы,
да старая гитара,
да шрамы ноют и болят.

Куда ушло все ретивое?
Где конь и сабля, блеск и шик?

Гусар седую головою,
устав от прошлого,
поник.

Но вот он взял гитару в руки,
но вот вино налил в бокал –
и глубже взгляд,
точнее – звуки,
и в голосе его металл.

“Смотрю на милую открыто,
и я опять совсем не стар,
и седина моя забыта,
я вновь боец,
я вновь гусар!

Лишь призови –
и конь найдется,
и сабля – по руке всегда,
и молодое сердце бьется,
и наземь сброшены года.»

* *

В твоих местах невяником зовется
цветок,
похожий на рисунок солнца.

А я любовь невяником зову:
ни в зной не вянет,
ни в мороз трескучий,
гроза придет – она раздвинет тучи,
прикроет – я поэтому живу.

Невяник мой,
спасибо от поэта
за ласково-родное слово это.

Свети,
невяник мой,
любовь моя,
ромашково сияй мне в непогоду,
переплавляй мои седые годы
в живое солнце молодого дня!

* *

Ах, юные дурочки...
Вы поумнели.

Но я-то был, кажется, умным...
А вот,
признаюсь,
что в давнем прекрасном апреле
вы, юные дурочки, как-то умели
увлечь,
закружить –
вспомню, сердце поет!

Ах, если бы вновь поглупеть вы сумели
и снова меня запустили в полет!

НА КОНЦЕРТЕ КАМБУРОВОЙ

От хрипотцы – до чистоты,
до самой глубины души,
от низа и до высоты –
актрисы голос, заглуши
тревоги, стрессы, боль мою –
ее поднакопил за жизнь...

Тебе я сердцем подпою,
а ты внуши одно:

Держись!

Наш балаганчик груб и строг,
и небеса над ним тесны,
на перекрестках всех дорог –
ошметки и следы войны.

Нам мир покоя не принес,
нас жизнь нередко била так,
что мы слетали под откос
и поднимались кое-как...

И все же веруем. И все ж
внимаем хрипотце твоей
как уверенью:

мир – хорош,
и будет счастье для людей!

2

От танго со смертью –
до вальса у елки,
от утра с туманом –
до солнца под вечер.

Из памяти извлечены
все осколки –

я счастье опять принимаю на плечи.

И снова легко мне итти к перевалу,
где новые дали откроются взгляду :
актриса сегодня мне вновь даровала
надежду на счастье...

А что еще надо?

РЕШЕТКИ ПЕТЕРБУРГА

Обратить металл не против музыки –
в музыку! –
большое волшебство.

Лепестки чеканные и узкие –
вот оно,
нежданное родство.

Изогнулись шеи лебединые,
свит живой орнамент из колец.

Отковали кузнецы старинные
музыку
из собственных сердец.

Представляю их работу адскую:
тяжкий молот
грудь и плечи рвет.
Хрип мехов – не песня залихватская.
А решетка –
вслушайся! –
поет.

Затекает пот соленый в бороды...

Снег ли сыплет,
дождь ли моросит,
не смолкая,
над великим городом
музыка раскованно звучит.

НА МОЙКЕ

Он в этих стенах умирал,
себе не представляя даже,
какая слава следом ляжет,
какой воздвигнут пьедестал.
Жизнь уходила.

А вдали,
в молочной пелене тумана
качалась горестно и странно
рыдающая Натали...
Уже ни боли, ни забот,
ни новых рифм, ни дерзкой строчки,
а просто рядом – точка.
Точка.
А дальше что?

Кто разберет...

* * *

Мы мнение толпы объявим пустяком
и призовем глупцов не принимать в расчеты.

Но лживое письмо ударит кулаком –
и Пушкин на дуэль уедет отчего-то.

Мы можем о молве с презреньем говорить :
есть вечные стихи, а это – выше толков.

Но Пушкина,увы, уже не воротить,
и в гордости его теперь уже что толку...

ГРУЗИНСКАЯ ЧЕКАНКА

Как это просто:

ток-ток
молоток,
бронзовый ковш сам собой повернулся.
Легкий удар –
и чеканный цветок
вдруг распустился и улыбнулся!

Штрих за штрихом,
лепесток к лепестку.
И незаметно металл оживает.

Я прикасаюсь рукою к цветку –
вдруг он тепло в мою руку вливает.

И продолжает летать молоток,
ковш сам собою вращается быстро.

Ток-ток:
из бронзы восходит цветок,
ток-ток:
летают веселые искры.

И восхищенно запела душа,
и виноградные лозы созрели...

Старый чеканщик творит не спеша
теплую песню
в дождливом апреле.

У "ПОРТРЕТА МАЛЬЧИКА"

Я знаю:
этот мальчик стал мужчиной,
состарился и умер в свой черед...

Но детские глаза глядят с картины:
в них озорство веселое живет.
А на макушке – хохолок упрямый,
и воротник крахмальный чуть измят,
хоть сына прихорашивала мама
перед сеансом два часа подряд.

Что мальчику и живопись и вечность?!

Ему бы поскорей сбежать к друзьям!

А в мастерской потрескивают свечи,
и тени притаились по углам.
Неторопливо трудится маэстро.
Мальчишка в кресле ерзает слегка..

.
А краски, как друзья, собрались вместе –
и будут с нами говорить века.
Глядит живой мальчишка...

У портрета
стою и улыбаюсь целый час,
оттаявший,
счастливый,
обогретый
лукавым, шаловливым светом глаз.

АВТОПОРТРЕТ ВАН ГОГА

Что заставляет жить не так,
как нам советует рассудок?

Что ни подвижник – то чудак.

День короток.

А вечер – жуток.

В одну цепочку строит Рок
непонятых,
неоцененных.

Куда глядит так устремленно
невыбранный Винсент Ван Гог?...

* *

Жизнь доказала нам уже,
что дух зависим и от плоти:
когда вы голодно живете –
то нет покоя и душе.

Вот весь ответ на тот вопрос,
который задан был когда-то:
откуда сила у Пилата,
и отчего так слаб Христос?

* *

Все мимолетно:
дни и ночи,
шум капель,
свежесть ветерка,
прощанья,
встречи...

Только очень
хотел бы взять на все века
всего лишь луч созвездий дальних,
всего лишь милой любый взгляд,
всего лишь слово в час прощальный –
на многие века подряд!...

* *

К земле годами чуть прижаты,
став осторожней и умней,
перебираем жизни даты
и к ней относимся нежней.

С годами чувствуем все тоньше
живую красоту земли,
хоть тянет нас к земле все больше
груз тех дорог, что мы прошли...

* *

Мне казалось и кажется скрипкой
утро, нежно обнявшее нас:
ты встречаешь меня улыбкой,
светом ласковых любящих глаз.

Жизнь добавила звуков за годы:
превратила в оркестры она
и рождение доброй погоды ,
и течение тяжкого дня.

Были песни и счастья, и горя,
пели скрипки,
гудел барабан,
с гор летел ручеек наш до моря,
море он обращал в океан.

Нас вздымало волной его зыбкой
к звездам призрачным и голубым...

Не смолкает мелодия скрипки,
вдохновенная взглядом твоим...

* *

Этих ступенек клавиши
много ног перебрало,
чтобы мелодия дружбы
в доме моем звучала.
Много глаз улыбалось,
когда открывал я дверь.
Много любви скопилось.

Я самый богатый теперь!

* *

Запас отпущенных мне весен
с годами все бедней.
Но стали крепче ветви сосен
над головой моей,
понятнее движенье сока
и ветра шум,
и глубже сделались истоки
заветных дум.

Беру у жизни очень много.

Но, может быть,
смогу и я свою дорогу
ей подарить.
Не ветром прошумлю над рощей
я поутру.
Надеюсь, что оставлю больше,
чем заберу.

* *

Света и тьмы вековое боренье.
Жизнь и минуточки не постоит.

Мы – божьи твари,
божьи творенья,
дети Творца,
его гордость и стыд...

* *

От момента зачатья, когда
ручеек новой жизни пробился,
до момента,
когда испарился
и исчез навсегда без следа,
преподносит нам жизнь, не скупясь,
цвет лугов,
острогранность камней,
шелест листьев веселых деревьев
и промоин осеннюю грязь...

А когда, приустав, ручеек
иссякает и скоро исчезнет,
для другого взмахнет своим жезлом
маршал – март.

И родится поток,
и закрутится жизни иной
чистота от момента зачатья,
и девчонка-весна в белом платье
в пляс пойдет
над несмелой водой...

* *

Вихри догадок.
Идей круговерть. .

Жизнь удивительна,
великолепна.
Хочется выкинуть чудо-коленце:
взять – да и в старости не умереть!

* *

Вглядеться в этот мир,
пока еще не поздно:
смотри, как он прекрасен,
как весело звенит,
когда июльский дождь серебряные гвозди
вколачивает лихо
в асфальты и гранит!

2. СЕРЕБРЯНЫЕ ГВОЗДИ

* *

Готов в любой момент подняться,
уйти в дорогу налегке
туда,
где звезды серебрятся
в передрасветном далеке,
где стог чернеет над покосом,
как древний шлем богатыря,
где босиком по чистым росам
на небо шествует заря...
Как духовито пахнет сеном!
Как налилась под солнцем рожь!

И вроде день обыкновенный,
но до чего же он хорош!

* *

За бегом мысли я не успеваю.
Услышав вновь апрельский птичий крик,
весну опять с восторгом открываю,
как необъятный новый материк.

Как только мне покажется, что стала
понятней жизнь, –
так новый поворот
меня захватит тайною сначала,
а после – понесет меня вперед.

Предутреннее облако – как горы,
в которых ни одной тропинки нет...

И жаль, что жизнь проносится так скоро
меж так и не открытых мной планет.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Прижавшись к молодой луне,
заснуло облако над Минском,
и голос тепловоза низкий
был лишним в летней тишине.

Как перед каждой из разлук,
вдруг стало на душе тревожно
и показалось невозможным
уйти от глаз твоих, от рук...

Пора привыкнуть:
столько раз
я эту начинал дорогу.
И вовсе ни к чему тревога, –
скажи мне только:
– В добрый час!

Но я волнуюсь все равно,
когда над площадью вокзальной
плывет в ночи гудок прощальный,
и ветер странствий бьет в окно...

* * *

И станет слово откровеньем,
и будет заново воспето
неповторимое мгновенье
извечно юного рассвета.

* *

Еще весной не пахнуло,
стучат холодные дожди,
но у зверья – пора загула:
вот белки носятся, гляди,
и скунс бежит через дорогу,
и утки парами плывут...

И, значит, скоро понемногу
деревья тоже оживут.
И скоро под густой листвою
в тени, в полуденной тиши,
извечной заняты игрою,
носиться будут малыши.

* *

Опять весенние рассветы
в пути далекие зовут.
И снова водопады где-то
в горах
сто звонких радуг льют.

Летит по склону ветер шальный,
туман холодный в клочья рвет.

Вершина
в белоснежной шали
нас вновь нетерпеливо ждет.

ТУРЬЕ ОЗЕРО

Голубое Турье озеро
к снегу чистому прижалось.

Что всегда меня тревожило –
далеко внизу осталось.
Ни печали,
ни волнения –
только горы,
только солнышко,
только воды без движения
в чаше каменной,
на доньшке.

Голубое Турье озеро –
свет таинственной кометы.

Может быть,
еще не поздно мне
отыскать на все ответы?

Или все вопросы выбросить
в синий омут –
и у солнышка
жизнь счастливейшую выпросить,
чтоб испить ее
до доньшка?..

ЛЕДНИК МОЦАРТА

Снег засыпает трещины,
ветер шальной орет,
качает палатку бешено
целую ночь напролет.
И надо же было додуматься
какому-то чудаку
теплое имя Моцарта
горному дать леднику!

...На гребне хребта утром
солнце заслон прорвало –
и тысячи радуг будто
оно по льдам разбросало.
Горы искрились и пели.
На льду ручейки рождались,
и на перекатах звенели
и вниз рекой устремлялись.

Музыка радуг на льдинах,
музыка звонкой воды.

Теплую музыку Моцарта
запели горные льды.

* *

Кизгыча студеная вода
слаже вод других была когда-то.

Не приду туда я никогда –
расстоянья в этом виноваты...
Рек других веселый холодок
выпью.

И потом в себя вберу я
воздуха студеного глоток,
солнца гор веселую жару я.

Жизнь моя светла и горяча,
и любовь к природе не остыла.

Но шальную воду Кизгыча
оказался я забыть не в силах.
Там Софии льды – у облаков,
стук камней и песенное эхо...

Там
– мальчишкой! –
в несколько глотков
молодость свою испил со смехом...

* *

Здесь скалы высятся над скалами,
исполосованы обвалами.

И кажется,
что эти линии
оставили когтями длинными
доисторические чудища.

И вдруг себе ты сам почудишься
свидетелем далеких лет...

А горы смотрят настороженно –
быть может
им и впрямь положено
знать все,
чего на свете нет.

* *

Геологи твердят:
" Мильоны лет!"

А я смотрю на утренние горы,
и думаю:
" Как молод этот свет,
и как мне будет жаль
уйти так скоро..."

В ГОРАХ

У края,
залитого солнцем,
над пропастью,
как над колодцем,
стал тонконогий стригунок
и смотрит вниз –
в ущелье, что ли?...

И так он мал, так одинок
на фоне горного раздолья,
что стало страшно:
вдруг шагнет –
и рухнет вниз,
и пропадет?!

Но тут, откуда ни возьмись,
заржав тревожно
(" Не сорвись!..." –
то ржанье верно означало,
по крайней мере, так звучало...)
к нему примчалась кобылица.

И не могли мы надивиться,
как осторожно стригунка
мать от обрыва отводила,
как тяжело переводила
дыханье:
белые бока
ходили часто и устало...

Бежал беспечно стригунок,
мать ласково и тихо ржала.
Как ярко-рыжий уголек,
на склоне солнце догорало.
Катилось эхо далеко.

Все было просто и легко.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Был наварист борщ воскресного дня,
и в наваре душистом этом
солнце ошпаривало меня
на пляже веселым летом,
омывала тело мое вода,
грибы подбегали под ноги,
и был я открыт для друзей, как всегда,
и был сам к себе строгим...

Я думал:
– За что мне себя любить,
старого лежебоку?...
Кто может сказать,
что успеет сварить
наваристый борщ к сроку?
И где, когда он – тот самый срок?
Успеешь ли?
Не успеешь?...

День безделья давал мне урок:
живи, дружок, как умеешь.
Расслабься на миг.
Посмотри кругом,
отвлекись-ка травой забвенья,
насладись-ка
наваристым этим борщом –
воскресного дня угощением...

ДОЖДЬ В НАЧАЛЕ МАРТА

Скулит промокшим псом
весенний ранний ветер,
он кружит за окном
под проливным дождем,
и снег в момент сошел,
и день печально светит...

Но как мне хорошо
весенним ранним днем:
поближе стал тот миг,
когда проглянет солнце,
и подрастет трава,
и крокусы взойдут,
а там, где мокрым псом
март весело несется,
девчоночьи глаза
голубизной сверкнут...

Мне до сих пор милы
дожди в начале марта,
я не боюсь ветров,
скулящих под окном,
и старая душа моя
поет с азартом
в предчувствии дорог,
которыми пойдём.

* *

Желтогрудые птицы
на ветках высокой рябины –
это местные вестники
близкой веселой весны.

Но пока в Мичигане – снега.

И предутренней синью
птицы видят, наверно,
совсем невеселые сны...

Голова под крылом.
И наохлились серые спины.

Но – лишь солнце поднимется –
мир потеплеет.

Тогда
желтогрудые птицы
заскачут по веткам рябины,
и на Хьюроне
льды сокрушает живая вода.

* *

Колючки станут мягче по весне,
ольха распушит желтые сережки,
гулена-белка влезет по сосне –
до неба ей останется немножко.
А в ясном небе – синева!

И вдруг
почувствую, что я истосковался,
раскроюсь после снега, стужи, вьюг,
счастливый,
что до солнца я добрался,
до пониманья,
как мне важно жить
в союзе с небом,
лесом,
полем,
лугом,
тропинку незаметную торить,
с весной встречаться,
словно с близким другом.

Есть что-то, что нельзя мне растерять
среди зим, скрипящих под ногой уныло...

Накатывает радость – расцветать,
а не стареть среди всего, что мило...

ПЕРВОГО АПРЕЛЯ

И снег,
упавший первого апреля
на о весне тоскующую землю,
и кардиналов шумное веселье,
которому я рано утром внемлю,
и крокусов отчаянные искры,
горящие в снегу нахально-сине
все создает и весело, и чисто
весны необычайную картину.

Люблю я это первое явление,
намек на ренессанс,
на возрожденье,
снежинок предпоследнее круженье
и красноперых ярких птиц горенье.
Вот к озеру летят над домом утки,
снег сбрасывают в черноводье ивы...

Все кажется первоапрельской шуткой,
веселой,
легкомысленной,
счастливой.

* *

Этот апрель
был дождливым и очень холодным.

Год, как апрель,
обещал быть унылым, голодным.

Но из-за туч
на часок пробивалось светило –
этого часа
для трав и для листьев хватило:
зеленью все неожиданно к маю покрылось,
и, наконец,
туча черная вмиг испарилась.

Я загляделся на чисто отмытое небо.
Я отогрелся,
как будто и в холоде не был,
в первый же миг
маю юному сердцем поверил:
это для нас
распахнул он веселые двери,
а от дверей – сто дорог,
сто тропинок веселых,
каждая – в жизнь,
в нашу вечную трудную школу...

ВЕСНА НА ОЗЕРЕ МИЧИГАН

Отступят льды от берега подальше,
весна на дюны белые придет,
и, наконец, от пирса настоящий –
не сказочный! –
уходит теплоход.

Его гудок веселый пронесется
над Мичиганом.

И ему вослед
под птичье пенье
радостное солнце
подкатится,
как память славных лет,
когда мы были юными,
и сами
напоминали лодки на воде,
которые под майскими ветрами
скользили вдаль наперекор беде.

Была всеильна юность!

Но и нынче
нам не дает упасть бессильно ниц
у белых дюн лихая переключка
гудков
и стаи прилетевших птиц.

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

Сирень выстреливает листья
в туманы раннего апреля.

Над озером, кристально чистым,
звучат какой-то птицы трели.

Плывут, перекликаясь, гуси,
за парой пара – утки следом.

Росы серебряные бусы
укрыли луг жемчужным пледом.

Анн Арбор спит еще :
настала
благословенная суббота.

Но солнце, как обычно, встало
и начало свою работу:
вода причудливо искрится,
висит парок над берегами,
и что-то светлое случится
сегодня непременно с нами!

* * *

Вересковый цвет тугой
покачнулся под ногой.
Чуть задел жасмина куст –
слышу тонкой ветки хруст.
А по взгоркам без конца –
скромный отсвет чабреца.

Так и бродим мы без слов
по музею трав, цветов,
как по прожитым годам,
где дышалось сладко нам,
где и вереск,
и жасмин,
и чабрец –
как сон один,
где в погожий майский час
вдруг любовь коснулась нас.

Дни весной освещены,
памятью освящены.

* *

Май мальчишкой остался.
Под светом
всех соцветий вокруг площадей
обожаю каприччио ветра
и стокатто весенних дождей.

Майской кистью опять разрисован
каждый угол и каждый квартал,
и в который уж раз, очарован,
я мальчишкой восторженным стал

* *

Подснежники –
такие, как под Минском –
повылезали на сосновый взгорок
от вьющейся по склону тропки близко.

Как голубой разлив цветов мне дорог!
Привет, весна.
Тебя мы все заждались –
всем опостылел холод.

А сейчас,
когда весна повсюду разгулялась,
какая доброта разлита в нас!

Запелись песни новые мгновенно,
слова в стихи прозрачные легли
где
в Мичигане! –
голубою пеной
подснежники по взгорку потекли.

Привет тебе, весна!
Давай уроки
извечной силы,
юной красоты,
чтоб позабылся и мороз жестокий,
и скованные белые холсты.

Вот под ногой –
хруст старой ветки ломкой,
вот скачет детский мячик по теням...

Лишь жаль, что дятлы не стучат,
что громко
кукушки не пророчат годы нам.

НАЧАЛО МАЯ. КРЫМ.

Маки,
горицветы и пионы...
Ярко – ало светятся цветы.

В мае крымских яйл крутые склоны
кажутся коврами с высоты.

Чатырдаг.
Ай – Петри.
Демерджи.

Юные, шагали мы беспечно,
чтоб увидеть,
как под ветром вечным
алый склон качается,
дрожит.

Там внизу,
где зелена вода,
в море солнце плещется,
играет,
нежный и воздушный, как слюда,
абрикос над морем расцветает.
И лаванда светит серебром,
охватила поясами горы...

Юные, беспечно мы идем –
все назад уходит слишком скоро...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

На синем – белизна отмытых облаков.

Все залито вокруг потоком света.

Гроза ушла.

Алмазами одеты
и зелень листьев,
и трава лугов.

Мне дышится легко.
Ушел минутный страх,
и молния, и гром
вдруг показались шуткой:
природа,
силой поиграв минутку,
вновь доброй стала прямо на глазах.

Но напряженье не уходит все ж...

Я ощущаю, как они живучи –
гроза,
и гром,
и те стальные тучи,
что молнию швыряли вниз, как нож.

Гроза еще вернется.
И не раз
вонзит свои ножи глубоко в землю...

Но стало тихо.

И с любовью внемлю
я этой тишине в июньский час.

* *

Весна незаметно
сменяется летом:
завяли тюльпаны,
раскрылись пионы.
А следом за летом –
тут сетуй не сетуй –
осенние дали и желтые кроны...

Идут круг за кругом.
Сменяют друг друга
деревья и люди, рассветы, закаты...

Ни дождик, ни вьюга,
ни ветер упругий
в движеньи, конечно же, не виноваты...

* *

Летай, снежок, в январский час,
а тополиный пух – в июле.

Но хоть бы ветры не задули
огонь, несущий свет для нас.

Была бы радость:
под снегами
и через тополиный пух
нести в себе лишь светлый дух
и согревать себя стихами.

Не угасало б счастье – вновь
встречаться с добрыми глазами
и понимать, что правят нами
не злые духи,
а Любовь.

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Преувеличить радость от цветенья
и пробужденья жизни по весне,
от мая –
невозможно, без сомненья.

Приходит эта радость и ко мне.

Опять иду по майской благодати,
рожденный в мае,
но уже седой,
и все мне в этот день бывает кстати:
и синь воды,
и небо над водой,
тюльпанового дерева соцветья,
других деревьев нежный малахит,
и во дворе играющие дети,
и старичок, что на скамье сидит...

А если что-то я прошу у Бога,
то это одного:
еще не раз
мне даровать весеннюю дорогу
и майский благодатный добрый час.

НА ДЮНАХ

На пляже,
где хрустит песок,
и Мичиган блестит под солнцем,
где слева вверх наискосок
с трудом тропинка проберется
по дюне вверх –
там стало мне
уютно, солнечно и мило,
тревога улеглась на дне,
а радость на поверхность всплыла.

Излучат солнце и вода
в момент
израненную душу:
природа – доктор,
как всегда,
все сделает намного лучшим,
научитпрошагать тропой
поближе к небу,
и с вершины
увидеть воду под тобой,
а над тобой – блеск неба синий.

Едва стемнеет,
вдалеке
мерцающий огонь зажжется:
там,
на высоком маяке,
всю ночь осколочек от солнца
путь освещает катерам,
рыбачьим лодкам,
яхтам быстрым,
внезапно помогая нам
разжечь костер надежд из искры...

* *

В начале новой жизни было счастьем
увидеть земляков своих кругом:
среди кленов – белизну берез нечастых,
луг, устланный ромашковым ковром.

Мы радовались утренней прохладе
и озеру в тумане – молоке,
как радуется детвора награде,
а старики – рассвету вдалеке.

Взаимосвязь природы покоряла,
и первых дней крутая немота
уже не била нас и не пугала –
так птицу не пугает высота.

Мы не сломали крылья в урагане.

Не потому ли,
что Земля – одна?

И стало нам уютно в Мичигане,
дарившем красотою нас сполна.

ВЕЧЕРОМ

Уходит день, сгорая понемногу.

Еще мгновенье – унесет закат
размытую потоками дорогу,
не пробужденный маем старый сад.
Расстают с ними вековые башни –
угрюмая охрана черных гор...

День нынешний становится вчерашним,
свет солнца превращается в костер.

МАЛИНОВОЕ ЛЕТО

Малиновый закат.
Бидон с лесной малиной.
Малиновый берет
на голове у сына.
Малиново вдали
окошки догорали.
Домой мы тихо шли:
за долгий день устали.
Малиново стога
светились в отдаленье,
и были облака –
как пенка на варенье.
И сладко спал мой сын
до самого рассвета.
Баюкало его
малиновое лето.

* *

Не сосчитать оттенков зелени:
лист от листа на диво разнится.
И к осени теченье времени
лист красит в разные цвета.

И между нами, здесь живущими,
огромною бывает разница:
различно прошлое,
грядущее,
заполненность и пустота.

* *

Сено сохнет – будто седеет.

Луг,
с утра седой от росы,
после звонкой песни косы
к полдню знойному побелеет.
А нескошенный – зелен!

В теньке,
на высокой траве зеленой,
я на час засну, утомленный,
две ромашки зажав в кулаке.

Мне приснятся роса и трава.

А проснусь после сладкого сна я –
и закружится,
как хмельная,
вся седая моя голова...

Ясный полдень – как праздничный пир,
карнавал в честь веселого лета.

Переполненный солнечным светом,
как же молод
седой этот мир!

ПЕРЕД ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Мне стукнет шестьдесят.
Увы, с приличным гаком.

Где золотой закат удвоится водой,
я вспомню горный Крым
весь в горицветах – маках
и далеко внизу – блеск синевы морской...
И выплывут потом дорога за дорогой,
и лица,
и глаза,
страсть,
встречи,
дым разлук –
и вдруг пойму,
что лет мне в самом деле много,
и вернуть года захочется мне вдруг.
Но фокус в том,
что нет нам в прошлое возврата,
хотя душа пока осталась молодой
и жаждет не казны,
а золота заката,
удвоенного вдруг чистойшею водой...

* *

Нам не сбежать от бед.
Но шансов есть в достатке
на счастье,
на совет,
на поцелуй украдкой.
А что скорбей пора
была так неизбежна –
все сгладит свет,
с утра
нас подхвативший нежно...

* *

И в белых, и в розовых пышных цветах
девчонка-весна мне являлась.
Мелькала потом в моих радостных снах,
а вот наяву не встречалась.

Держа васильки голубые в руке,
шла девушка-лето лугами,
и вскоре исчезла она вдалеке,
чтоб изредка снится ночами.

Неужто и женщина-осень пройдет
с букетами листьев опавших,
чтоб снится зимою всю ночь напролет
под песенки вьюг загулявших?

* *

Пустыня,
ты была когда-то морем.
Бегут барханы – за волной волна.
Скажи,
каким иссушена ты горем,
какой печалью даль твоя полна?
Иду – и почва вздрагивает зыбко.
Вокруг полно тревоги и тоски,
и лучик солнца – золотая рыбка –
ныряет на ночь в черные пески.

* *

Потекли по травам росы,
и согнулись травы вниз.

В поле ветреном колосья
желтизною налились.

Наступает время жатвы,
урожая в закромах.

Жатва – выжить в зиму клятва,
клятва уцелеть в снегах.

Ивы распустили косы
над озерною водой.

Потекли по травам росы
серебристою слюдой.

По воде под ветром гуси
медленно впередскользят

Ветру тихо улыбнусь я
и не оглянусь назад.
Устремлен вперед куда-то,
ни о чем не загрушу.

В царство
зимних вьюг мохнатых,
улыбаясь, поспешу...

ПЛЕС

Октябрьскою порой прозрачной
и мне увидеть довелось
уютный, словно домик дачный,
и очень милый сердцу Плес.

Я шел с каким-то чувством странным
по склону рощи золотой
в живую рощу Левитана
над серой волжскою водой.

Там, затаив дыханье, слушал,
как пела шопотом листва
напевом тронувшие душу
свои осенние слова

Там, глядя на берез пожары,
я думал:
– Годы мчат? И пусть!...
Я благодарен роще старой:
осенняя исчезла грусть.

Спасибо Плесу за лечение
и воздухом, и тишиной,
за белое берез свеченье
и шопот листьев над водой,
за чувство полного слиянья
с неброской красотой земли,
и за неяркое сиянье
заката раннего вдали...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Искупается в луже,
потом отряхнется,
и на веточке тонкой
у самого солнца
будет серый воробышек лихо качаться,
не желая на мокрую землю спускаться.

Я и сам бы поднялся куда-то повыше,
на ветвях посидел бы,
как в детстве – на крыше,
посмотрел бы подальше,
увидел побольше,
ощутил бы,
как ветер веселый полощет
каждый лист
в кучерявой взлохмаченной кроне,
где дождевики горят,
как алмазы – в короне...

Ах, как было бы мне хорошо,
без сомненья,
и какие рождались бы стихотворенья,
потому что,
чем ближе к отмытому солнцу,
тем полегче желанное слово найдется,
и чем выше, как птицы,
взлетим к облакам –
мир светлей и прекрасней покажется нам ...

НА МАКУШКЕ ЛЕТА

Как на вершине,
на макушке лета
усядусь поудобней, оглянусь,
и пройденным дорогам,
полным света,
березкам в модных солнечных беретах,
и соснам,
солнцем золотым согретым,
как дорогим знакомым, улыбнусь...

Потом вперед я погляжу тревожно,
увидю первой проседи следы,
подумаю в который раз:
возможно ль
осилить путь,
запутанный и сложный,
где все былому противоположно,
где, кажется, пробиться невозможно
сквозь бездорожье, бурелом и льды?...

Но что поделать?

Надо подниматься,
с макушки лета уходить опять,
не тосковать,
не хныкать,
не сдаваться,
сквозь дождь и снег упрямо пробиваться –
и до вершинки будущей добраться,
там снова ненадолго задержаться
и новую дорогу пролагать...

Как на вершине,
на макушке лета,
где воздух теплым невесомым пледом
окутает на пять минут меня,
присяду поудобней, поуютней.

И будет мой привал пятиминутный
началом добрым будущего дня.

* *

Полусвет...
Рыбачьи сети...
Ласковый бесшумный ветер...
А на озере – покой...
Ни волны, ни быстрых чаек...
Мичиган нас привечает
поволокой золотой
невесомого заката...

День окончился...

Куда-то
подевалась суета.

Гул машин,
рыбачьи лодки,
нам навстречу – две красотки,
трафик около моста.
По воде – дорожка света
тянется от пляжа.
Где-то
зажигается маяк.
Мы на воду смотрим с дюны.
И скользят куда-то думы
в полусвет ли,
в полумрак...

* *

Час предвечерний на краю села,
куда на время тишина зашла.
Косые тени,
теплый луг,
река,
прохладное дыхание ветерка,
усталость отработанного дня
и солнце – рыба в неводе плетня.

* * *

И этот лес старше нас, конечно,
и этот луг, и быстрая река, –
но молоды они!

И это – вечный
пример для оптимиста-старика.

Отдельные деревья умирают,
завянут травы к зимним холодам,
но
в целом! –
мир нас юностью пленяет
и
в целом! –
подает надежду нам.

Не делаю трагедии из факта,
что я старею.

Так тому и быть.

Вот внучки – Юля с Анечкой – куда-то
стремглав несутся...

Мне их не словить.

Любуюсь ими.
Годы вспоминаю.
Мне хорошо, что жизнь так молода.

Вот только дни умчались птичей стаей –
я сам того не ведаю, куда...

ТУМАН НАД ОЗЕРОМ МИЧИГАН

Чем-то с белым схожее медведем,
облако, плывущее на запад,
зацепилось мягкой правой лапой
за вершины дюны,
а потом
к озеру спустилось...

И в тумане –
лишь высоких сосен хвойный запах
да воды чуть слышный плеск под дюной
плыли в невесомости кругом...

Я чего-то ждал.
Чего – не знаю...

Может быть,
что совершится чудо:
дунет ветер, разом сдует пену
с дюны, сосен, озера, песка.
Но туман сгущался.
Становилось сыро, зябко, сумрачно повсюду,
словно к невесомому медведю
плыли на поддержку облака.
И тогда направился к парковке.
Сел в машину.
Ничего не видно.
Повернул ключ зажигания.
Сразу
заурчал встревоженно мотор.
Жди не жди, а чуда не случиться,
ветра нет, как это ни обидно,
да и ехать в Холланд невозможно :
ведь туман – надежнейший забор.
Отогревшись, я в кабине молча
вспоминал другие континенты,
берега озер и сны грибные,

шелест хвойной иглицы в ногах,
давних встреч сердечное волнение
и любви счастливые моменты,
и туманы – как онишипели,
лапы обжигая на кострах...

ПОД ПЛАТАНОМ

Два облака – две белые вершины,
ущелье неба синего меж ними,
и в мире этом странном, бело-синем,
над нами перевернутом,
немом,
нет никого – одна лишь вечность стынет,
и тень, как росчерк – это чье-то имя,
кто жил до нас,
кто растворился в вечном
и кажется нам только давним сном...

И ветка светлокорого платана
шумит под ветерком светло и странно...

* *

Вдруг юность выскользнет из рук –
сейчас ли или после.
Моих друзей редееет круг,
а новых – не видать.
Нам остается лишь одно
под жизненную осень:
воображение свое на память призывать –
одно оно способно нас вести,
как сердце просит,
по переулкам давних дней,
где молоды опять...

ТУМАН

Цепляются туманы за деревья,
спускаются туманы на деревни,
ползут они над тихими полями,
как белый сон, плывут над тополями.
Все невесомым кажется и странным...
Вот и подкралась осень тропкой тайной,
развесила тумана паутину,
как марлей, занавесила картины:
чуть тлеют краски под холодной марлей.
Вот пень стоит,
как одинокий карлик,
под черной шапкой из листвы опавшей.
Нет у него сегодня.
Пень – вчерашний:
все за туманом,
в прошлом все осталось.
Туман – земли душевная усталость.

И только я один сегодня знаю,
что где-то ветер крылья поднимает,
и скоро разбегутся прочь туманы,
и снова вспыхнут золотом поляны,
и мир заполнят радостные краски...
Туман – не смерть.
Туман – ночные сказки.

* *

Часто, гонясь по свету за чудесами
в поисках разной экзотики:
ледовых вершин и старинной готики,
цветов, дурманящих, как наркотики –
забываем,
что главное чудо мы сами.

* *

Извечная смена сезонов:
от завязи – к спелым плодам,
от майских блужданий бессонных –
к ноябрьским раздумьям-мечтам.

Извечная смена окраски:
от зелени первых минут –
к тем дням,
когда в желтом и красном
деревья стоят там и тут.

Таинственным было начало.
И вдруг наступила пора:
ясней и понятнее стало,
что было неясным с утра.

Рад ясности этой безмерно!
Но тянется сердце сильней
к мгновениям завязи первой,
к весенней надежде своей.

РАННЕЕ УТРО

Какая-то птица кричит:
– Быть-быть!...

И я просыпаюсь.
Слушаю птицу.
Есть сила во мне.
И готов я плыть
по новому дню,
по чистой странице.
Как птицы, листья в заре купаются.
Птичья песня к небу взлетает.

Легко ли, трудно – жизнь продолжается...
Птица поет.
День наступает.

НО ОДНАЖДЫ

Пролетит над садом ветерок –
яблоки с ветвей в траву слетают...

Их с травы хозяйки поднимают,
сушат,
варят,
выжимают сок.

Янтарем – варенье на батон.

Так веками было, есть и будет.
Для того сады сажают люди...

Но однажды в сад зашел Ньютон.

ОСЕНЬ

Еще стволы – в густом тумане,
и сонно жмурятся поляны,
и лес пронизан холодком.
но утро набирает силы,
и вот уж солнце заскользило
по лужам, тронутым ледком.

Я поднимаю лист кленовый
с травы –
и удивляюсь снова
рисунку инея на нем:
как будто ювелир искусный
собрал серебрянные бусы
и к меди припаял огнем.

А в бусах – радуг переливы.
И тени прячутся пугливо.
Туман опал.
Совсем светло.
Бесшумно пролетают листья,
а на душе – легко, и чисто,
и по-весеннему тепло

* *

Как страницы книги, ветер
листья утром перебрал,
пару строчек оторвал –
и звучат на бело свете,
неназойливо-тихи,
поздней осени стихи.

ПАРК АРОК

За долгие рабочие года,
пошлепывая красные камни,
тут изваяли ветер и вода
причудливые дивные творенья.

Здесь свысока, бессмертные, на нас,
шумливых,
смотрят молча великаны,
и арка триумфально вознеслась,
кого-то славя весело и странно.

Тут бродим мы, поверить не спеша,
и все-таки поверив понемногу,
что в это чудо вложена душа –
душане ветра, не воды,
а Бога.

* *

На осенних листьях напишу стихи
и пушу их по ветру под зиму.

Все мои стихи – как мои грехи:
замолить их мне необходимо...

Душу всю мою я в слова вложу –
от весны моей и до предзимья.

На листе осенней словом ворожу,
а слова, как листья – мимо... мимо...

* *

Творец не прекращает ни на миг
блестящие свои эксперименты:
вот по воде луча последний блик
скользит бесшумной розовой лентой,
вот тень легла там,
где лишь миг назад
сияло солнце на песчаном пляже,
вот косы ивам растрепал закат
порывом ветра...

И не скажешь даже,
что красивее – солнце на песке,
недвижность веток
или их движенье...

Лишь строчка
синей жилкой на виске
дрожит
и просится в стихотворенье...

В МИНУТУ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Дай Бог мне долго жить и умереть легко...

Дай Бог и близким долгий век счастливый...

А все души прекрасные порывы –
нелепая попытка
над обрывом
дойти
до вдаль бегущих облаков...

* *

Там,
где в зените нашей жизни мы не раз
над Неманом в лесу рассвет встречали,
палатки наши встанут вновь едва ли,
и там, где так беспечны мы бывали,
опять друзья уже не встретят нас.

Разбросаны ветрами по земле,
землячество мы выстроим иное.
И клены, а не сосны, надо мною
под ветерка движение тугое,
мне песенки свои поют во мгле...

В одну и ту же реку не войти
два раза,
как великий грек заметил...

Но мне тепло,
что Неман есть на свете,
что там я счастье молодое встретил
и с ним уже не расстаюсь в пути.

* *

Холодный дождь, смывающий листья
с блестящего асфальта третьи сутки...
Вчера еще кудрявые, кусты
да и деревья
попысели жутко.
Но все-таки всезнающий прогноз
на будущей неделе обещает
нам синеву и небольшой мороз,
и солнечность, которой не хватает.
Поэтому, родная, переждем
холодный дождь, как прежде, без опаски:
еще не раз тепло нам будет днем,
а ночью – звездно от безмерной ласки...

О МАСТЕРСТВЕ

Грань мастерства...
Огранка слов и фраз...

Поэта стол раскинут на пол-мира,
он непохож на столик ювелира,
где трудно ограняется алмаз...

Родство меж камнем и строкою есть:
должны слова сверкать,
переливаться.

Но им нельзя за деньги продаваться:
в них самое существенное – честь.

Я так люблю пересыпать слова,
игрою света любоваться молча,
и находить на гранях мастерства
свет теплых звезд
среди беззвездной ночи!

* * *

Напелось, нагулялось лето всласть.
Пришла пора задумчивости тихой,
и осень – пожилая щеголиха –
одеждой золотой обзавелась.

Она идет, роняя на ходу
то веер – лист,
то золотую брошку...

И водит память нас одной дорожкой
в пустынном засыпающем саду.

* *

Где музыка рождается?

И где
рождается поэзия?

Под небом
качаются слова,
как зерна хлеба
на колосе...

Поэзия – везде:
журчит ручьем,
как ветерок,
поет,
как вьюга,
под окошками рыдает,
как человек,
прохожих окликает,
как птица,
из-под туч к себе зовет...

Ктобудущее в силах угадать?

Загадки тихих слов неразрешимы.

Все – наяву.

Но все проходит мимо.

Поэту лишь дано секрет понять.

Потом другим –
и в счастье, и в беде –
помогут ноты и слова, бесспорно.

Слова и ноты.

Золотые зерна,
рожденные неведомо нам где...

* *

Вот осенняя заря
приближается из мглы.

Заготовка янтаря –
капля свежая смолы.

Гриб упрятан под листвой.

Но ищу я не его –
шанс ищу упрямо свой,
чтоб добиться своего:
всей душой помолодеть,
все налипшее стряхнуть,
засмеяться – и успеть
свежестью наполнить грудь.

* *

После жары
многодневной и жесткой
дерево наше сменило прическу:
что-то прорежено и перекрашено,
что-то закручено в нем не по-нашему.
Но на рассвете, прохладном, росистом
солнце в листву окунается красное,
но шелестят постаревшие листья
то, что весною шептали напрасно нам.

День начинается.
Август кончается.
Что было жарко – теперь уж не верится.
Листья лохматые тихо качаются.
Лето уходит.
Все перемелется...

ЙЕЛЛОУСТОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК

Тут дело не в том,
что клокочет вода,
что пар над землею тут стелется,
не в том,
что гремят водопады всегда,
что солнечно камни тут светятся,
не в том,
что бизоны бредут по шоссе,
олени машин не пугаются –
а в том,
что внезапно и сказочно все
на время тут преображаются:
тут мы, словно дети,
над радугой вод,
вдыхаем пары-сновидения,
а там,
где тропинка в каньон уведет,
зайдем в лунный мир на мгновения.

И я,
повидавший за годы свои
немало чудес,
онемею
и вслух говорить
о великой любви
к Творцу
почему-то не смею...

ЭТИМ ЛЕТОМ

Этим летом
в Вайоминге, Юте и Колорадо,
где все краски Вселенной собраны и сияют,
душа моя благодарная
была бесконечно рада,
что в ней эти краски радостно
на долгие дни оседают.

Но вот наступила осень.
Поздняя серая осень.

С голых веток деревьев капли летят в меня.
И приуныл я.
Сердцесолнечных красок просит.
Прежней яркой палитры.
Спасительного огня.

И я беру фотографии.
Перелистываю молча.
Немного теплее станет.
Вера вернется ко мне.

А после звон капель слушаю
долгой осенней ночью
и вижу
Вайоминг, Юту и Колорадо
во сне...

ОБЛАЧНАЯ НОЧЬ В ЛЕСУ

Чиркнет спичка.
Огнем на момент
озарится лицо мое.

Снова
нас с тобою накроет сурово
черной полночи сумрачный тент.

Нет ни звезд, ни луны.

Облака
мир окутали тяжкою мглою.

Ночь мне кажется, впрочем, не злою:
сжала руку любимой рука...

И скользит моя дрема туда,
где созвездья над миром мерцают,
где восток не спеша заливаает
невесомого света вода.

Будет день.
Будет тропка спешить
выше леса,
у ясного солнца
до тех пор,
пока вновь не замкнется
тент полуночи в звонкой тиши...

СОН О КАВКАЗЕ

Домбай-Ульген через десятки лет
за океаном нынче мне приснился:
хребет во льду,
ущелье,
чей-то след,
и водопад, что с шумом вниз стремился.
Шла группа вверх.
Ждала вершина нас.
Вдруг скрылось солнце и похолодало...

Проснувшись,
я подумал, что Кавказ
был щедрым к нам:
всегда нам здесь хватало
цветов и дров,
снегов и ледников,
улыбок пастухов,
грибов и ягод,
и песен у приветливых костров,
дождей –
а после них высоких радуг.
Я смолоду любил Домбай-Ульген,
Марух,
Адзапш,
Ушбу,
Эльбрус двуглавый,
и льды суровых Безенгийских стен,
альпийский луг,
раскрашенный на славу.
Я вспоминаю с нежностью Кизгыч,
вплетенный в скалы чистой белой лентой,
заката тишину и ветра клич,
палаток старых мокрые брезенты...

Все было и недавно, и давно.
Порою сомневаюсь: было ль это?...

Мне снился сон.
А может быть, кино
увиделось мне в сумраке рассвета?...

КАРТИНКИ ЙЕЛЛОУСТОНСКОГО ПАРКА

Бизон,
идуший тихо по фривею
в сопровождении плетущихся машин,
сгорбатил мощно над асфальтомшею,
Йеллоустана вечный господин.

А по бокам – леса Йеллоустана,
луга и пар, идущий от земли,
и чернота,
и солнечность каньона,
и водопад серебряный вдали.

Я потрясен.
Я принял всей душою
все это,
как забытый детский сон:
деревья,
луг,
каньон,
вода – стрелою,
и на фривее – медленный бизон,
и пар,
идуший из глубин горячих,
и грязевой клокочущий вулкан !...

Я потрясен.

Ни от кого не прячу,
что и сейчас я – просто мальчуган,
что в силах обрести былую нежность,
пейзажем наслаждаться неземным,
благодарить судьбу
за всю безбрежность
чудес земных –
и причаститься к ним.

МАСЛЯТА В АМЕРИКЕ

У озера,
у кромки синих вод,
где ветер треплет ив плакучих ветки,
растут маслята.

Но прохожий редкий
не срежет их,
домой не понесет:
не принято в Америке.

Грибы
тут покупают.

Я же по старинке
срезаю их,
кладу в свою корзинку,
несу домой.

И в праздник,
в час гульбы,
друзьям мы дарим к водочке маслят
с лучком –
закуски лучшей не бывает! –
и вот уже,
усевшись в тесный ряд,
друзья
столы иные вспоминают...

* * *

Когда начнется листопад
и вымостит дорожку золотом,
и птицы полетят куда-то,
и голоса их задрожат –
тогда-то станет мне чуть-чуть
невесело и одиноко:
каким большим, но недалеким,
каким прекрасным был мой путь!

Но золотом богат закат
над тропки узкою полоской,
но трепетно чисты березки,
когда начнется листопад.
Но снег отбелит по-утру
тропинку людям на удачу,
и, радости своей не пряча,
я выйду из дому, замру...

Есть золото,
есть серебро,
алмазами мой двор устелен...

Я вновь на молодость нацелен,
и бес ударит мне в ребро:
готов влюбляться и дойти
до дней,
когда ручьи проснутся,
и там,
как мед на майском блюдце,
хоть каплю юности найти...

ВОДОПАД

Как огонь, который пляшет,
как простая песня наша,
как таинственные тени
на прокаленных камнях –
так и водопада струи
душу вновь мою врачуют,
и лечу я вниз с водою,
разбиваясь на камнях.

Все кончается на свете.

Не кончаются лишь эти
посеребренные нити,
пены мягкая парча,
гул воды,
ее круженье,
и веселое рождение
то ли строчки,
то ль размаха
богатырского плеча.

Я стою у водопада.
Ничего сейчас не надо.
Разве только
наглядеться
на движение воды,
надышаться пылью влажной
и понять, как это важно:
жить,
бродить,
смотреть на струи,
мчащиеся с высоты...

ПАРК МИНИВАСКА

Тропа сквозь лес.
А слева к небу скалы.
И скалы справа, только вдалеке...
Сентябрьское светило в пол-накала
сквозь облака – желтком на молоке.
Хотя листва не пожелтела, все же
порою жаром ветка полыхнет.
Там, где обрыв стал чуточку положе,
тропа змеею в пропасть проползет.
Мне греют сердце скалы, леса краски,
внизу – воды густой аквамарин,
где озеро лесное Миниваска
собрало воду с Аппалачских спин.
Мне странно, что Нью Йорк грохочет рядом,
а тут – ни суеты, ни толкотни,
и все деревья в летние наряды
наряжены в сентябрьские дни...

* *

Полет стрекоз на солнце золотом.
Нить паутины.
Лист, летящий с ветки.
Подкралась осень.
И опять соседка
две тыквы ставит на крыльце своем.
Они круглы и яростно желты,
как две луны.
А мне немного грустно,
что скоро будет за окошком пусто –
там, где сегодня золото листвы.
А утром иней на траве.
И нет
ночами ни цикад, ни птиц.
Молчанье.
Подкралась осень.
Время ожидания.
И память укативших долгих лет.

* *

В последних днях перед зимой
есть удивительная нежность:
в березах тонких – свет и снежность,
а в соснах – запах смоляной.

Сырая волглая листва
устало хлюпает под кедом,
бредет туман за мною следом,
и в строки вяжутся слова.

Люблю ноябрьские рассветы,
их невесомость, тишину,
в тумане – белую луну
и пни в серебрянных берегах.

Леса встревоженно молчат,
лишь от рассвета до заката
неунывающие дятлы
по-майски весело стучат.

* *

Снежинок удивительные танцы.
Лесных теней полупрозрачный дым.
Поэзия.
Способность удивляться
явлениям и сложным,
и простым.

* *

Кувыркнуь через голову в снег,
засмеюсь от прохлады пушистой,
на сугробе, нетронуту чистом,
напишу:
"Счастлив будь, человек!"

И пока все метель заметет,
пробегаю, случайный прохожий
засмеется и станет моложе,
если надпись мою он прочтет.

* *

Антоновка к зиме совсем дospelа.
В ней летний сок и летний аромат.
На белом фоне яростной метели
меж рам янтарно яблоки горят.

Гляжу на них –
и вспоминаю август,
сады над речкой,
яблоко луны,
на берегу немые валуны
и наших встреч таинственную сладость.

ФРАНКЕНМУС

Городок в Мичигане, где круглый год
работает комплекс елочных украшений

Городок причудливых затей,
где среди игрушек мы мгновенно
сами превращаемся в детей,
улыбаясь необыкновенным
Дед Морозам,
птицам и зверям,
дружески подмигивающим нам...

Это все бы – в детстве увидеть,
но другое выпало нам детство,
где была одна мечта – наесться,
для буржуйки щепочек собрать.
Новый год нам стены украшал
инеем.

Да изморозью – окна.
А билет на праздничную елку
нашим детям профсоюз давал.

Был иным – и слава Богу! – путь
тех, кто это чудо сотворили.
Слава им:
они нам подарили
способ в детство иногда шагнуть.

Я люблюсь россыпью огней
в мире Дед Морозов,
в мире сказки –
и какой-то незнакомой ласке
отдаюсь я здесь душою всей...

КОНЕЦ ДЕКАБРЯ В МИАМИ БЕАЧН

Под Новый год здесь улицы в цветах,
согнулись пальмы под веселым ветром,
и корабли во-всю качает где-то
Атлантика на голубых валах.

Высокие роскошные дома
легко удары ветра принимают,
и что-то варит в душах, выпекает
загадочная южная зима.

Под Новый год высоким солнцем мы
обласканы, как в жизни не бывало.
Рододендронов куст нас цветом алым
приветствует средь флоридской зимы.

* *

Пока есть что любить,
кого любить,
кого своей любовью одарить,
пока есть кем и чем залюбоваться,
пока куда-то хочется лететь
и за кого-то даже умереть –
мы молодыми будем притворяться,
хотя, конечно, не подарок, нет,
больших годов
тяжелый плотный плед...

* *

Занятый работой,
суею,
вечными семейными делами,
вдруг с какой-то горькой остротой
ощутил:
как мало был я с вами,
синие еловые леса,
хохотун-ручей,
ночные звезды!
Надо слушать мне, пока не поздно,
ваши песни,
ваши голоса.
Ведь потом, в грядущие века,
никогда я не увижу больше,
как над лесом ветерок полощет
в чистом синем небе
облака...

НОВОГОДНИЙ СНЕГ

На последней странице ушедшего года
ледяным завитком расписалась зима,
и метель закружила свои хороводы,
засыпая снежинками наши дома.

На последней странице ушедшего года
заметало следы,
выстилало ковер,
и ложился нетронутый снег у порога,
обещая загадочный новый простор...

* *

Звучит романс – души волшебник-лекарь...

Движенье голых веток за окном
и шум дождя.
И мой любимый том
поэтов девятнадцатого века.

Поэзия России...

В редкий час,
когда спокойно на душе и мирно,
я приникаю к этой чистой лире,
как к ручейку, душа чтоб напилась.

Чтоб средь жестоких бурь,
тревог,
печалей,
разбитых снов,
несбывшейся мечты,
средь повседневной вечной суеты
и невеселых жизненных реалий

любимые стихи,
гитарный звон
вернули мне надежду на удачу,
и повернулось многое иначе,
увиделось
совсем с других сторон.

* *

Девушка в саду стихи читала.
После – долго думала, молчала,
а потом, расплакавшись, сказала:
– Все поэты врут в стихах своих!...

Видно, сердце у нее щемило...

Только зря так строго нас судила:
ведь поэты – так веками было –
разбивались первыми о стих...

СТРУННЫЙ АНСАМБЛЬ

Отласкает арфа нежной песней,
отрыдает скрипка о былом...
Станет жить светло и интересно,
упрочнится то, что шло на слом.

Подлечившись, мы идем с концерта...

Музыка – наш лекарь – отстаёт,
и опять, несомая к нам ветром,
будничная туча наползет.

Все же легче стало и спокойней,
все же проще стало и светлей...

Арфой распевает на балконе
бесшабашный ветер – лиходея.

* * *

Я до конечной остановки
и до последнего звонка
люблю,
как модница обновки,
миг вспышки первого цветка,
дождя веселого кипенье,
грусть листопадов в октябре
и снега тихое круженье
перед Новым Годом во дворе.

В извечной карнавальной пляске
соцветий,
шума,
тишины
кружусь, как мальчик, без опаски,
на танец не жалея дни.
А модница – природа ловко,
прикрывшись снегом иль дождем,
меняет на ходу обновки –
и хорошеет день за днем!

* *

Много стоит каждый день,
нам подаренный судьбою.
Много стоят свет и тень
надо мною и тобою.

Стоит дорого момент
душ и тел соединенья,
синь речных блестящих лент,
вод недвижность и движенье...

И пока еще везет,
и пока еще над нами
солнце по-утру встает,
и луна плывет ночами,

и пока еще любить
мы умеем, как и прежде –
будем богачами слыть,
вечной преданы надежде!

Пробуждаясь ото сна,
улыбнемся дням хорошим:
солнцем голова полна,
по плечу любая ноша.

И пока итти не лень
за таинственной звездой –
много стоит каждый день,
нам подаренный судьбою.

3. ЧТО БУДЕТ ВПЕРЕДИ ?

* *

Что будет впереди?

Какие дали,
какие тени поджидают там?

Куда так тороплюсь я по годам,
захвачен жизнью и смущен едва ли
тем, как летит стремительно она?

Что будет впереди?...

Одно лишь ясно:
что было раньше – было так прекрасно,
что яуж сед,
а жизнь – всегда весна.

* *

Подкатывает миг,
когда под впечатленьем
пережитых потерь,
усталости,
забот
я ощущаю лет невыносимый гнет,
и нет во мне высоких устремлений.

Но позвонят друзья.
Но Моцарта включу.
Но Окуджава мне поет негромко.
И вотпо новым строчкам я лечу,
опять далекий от опасной кромки.

Нет рубежа, где было туго мне,
где мудростьнеохотно помогает,
ине тускнеет солнышко в окне,
и жизнь мне тропку снова предлагает...

* *

Перепаханные песком,
долго строили дети дом.
Возводили любовно стены,
ветки в крыше – телеантенны,
и окошки в стенах пробили,
чтобы в доме светлее было.
А потом, убегая домой,
кто-то дом развалил ногой...

Дети, дети, как глупо это:
строить дом для тепла и света
целый день – а потом разрушить!

Впрочем,
чем мы, взрослые, лучше?

* *

Строчек быстрые прописи
пролетают над пропастью
и мостами становятся,
по которым ко мне
возвращается прошлое,
но без пыли и пошлого,
а отмытое начисто,
дорогое вдвойне...

* *

Вокруг ствола, как кот ученый,
брожу, рассказываю сказки.
А ствол растет.

И я с опаской
гляжу, от почвы отдаленный,
что никого вокруг, увы,
кому нужны бы сказки были:
сегодня больше любят были,
и лишь во мне сверх головы
накоплено ненужных сказок,
погасших глаз,
проплавших масок,
умолкших голосов,
снегов,
слегка потрескавшихся красок...

Всей прошлой жизнью обреченный,
вокруг ствола, как кот ученый,
брожу...

А ствол себе растет –
никто послушать не придет...

БЕССМЕРТИЕ

В Эстонии, когда умирают поэты,
в витринах книжных магазинов стоят
их сборники, а над книгами несколько
дней горят свечи...

Возможно, это так и надо:
когда глаза закрыл поэт,
взамен тепла живого взгляда
зажечь свечи тревожный свет.
Возможно, это так и надо:
чтоб воск неслышно оплывал,
чтоб кто-то становился рядом
и книги при свечах листал...
Бессмертья не найти в природе:
и люди смертны, и дома.
Но сохраняются в народе
находки сердца и ума.
Погаснет свет свечи оплившей, –
мир не исчезнет в тусклой мгле:
немало будущих и бывших
живет поэтов на земле.
И люди расправляют плечи,
сверкает солнце в небесах,
и строки светятся, как свечи,
в живых читающих глазах.

* *

Доиграй, музыкант, свою партию
и сложи аккуратно ноты.
Твоя партия – тропка малая,
от которой нет отклонения.
Твоя партия – это хартия
вдохновенной твоей работы,
где отмечены окончательно
все восторги души и смятения...

ХАНУКАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Гори, моя свеча,
свет Хануки лучистый,
гори, не выгорай, бессчетных лет поток,
пой, мамочка моя, и ласково, и чисто –
мне, как в ночи свеча, твой звонкий голосок.

Жасминовый букет – кусты под белым снегом.
Декабрьская пора раскрасила окно.
Но Ханука светла.
Но над моим ночлегом –
бессмертный и родной мотив звучит давно.

* *

Пришла пора не каяться – молиться,
почаще вспоминать родные лица,
озвучивать родные голоса,
о камни всех ошибок спотыкаться,
с невзятых круч в который раз срываться
– и все-таки смотреть во все глаза
на красоту Земли, где так немного
гостим мы от порога до порога,
где нет конца ни свету, ни теням,
где все неисчерпаемо красиво,
где воду гладят на рассвете ивы,
где мудрости недоставало нам...

СТЕНЫ ИЗРАИЛЯ

Отсюда Ной отплыл.
Сюда вернулся он.
Росли здесь дети.
Внуки здесьлюбили.
Здесь их тела не раз враги крошили.
Не потому ль в молитвах слышен стон?
Но и врагов не раз здесь сокрушали,
и Голиафы падали на дол...
И эти стены к небу поднимали
молитву – просьбу к Богу, чтоб пришел.
Когда Давид пел гимны, эхо билось
об эти стены – и взлетало ввысь...
И вечностью Слова здесь становились,
и в мир они призывом унеслись...

ЧИТАЯ КНИГИ ПРОРОКОВ

Есть тайный умысел Творца:
слать нам святых и слать пророков,
чтоб вечная покорность року
нас не убила до конца.

И я читаю.
Я учусь
любви, надежде, созиданью.
И я страшусь не наказания –
я бесполезности страшусь.

В ИЕРУСАЛИМЕ

Я стал бы лишь кирпичиком твоим,
волшебный сон,
мой Иерусалим,
чьи стены белые возносятся высоко.

На башню бы Давида утром влезть –
и встретить бы рассвет прохладный здесь
мне, сыну беспокойного Востока!

Но мне в моих скитаньях не дано
остановиться здесь –
давным давно
мой род скитаться стал по разным странам,
и вырос я совсем в другой земле,
где белый снег кружит зимой во мгле,
где чужаком остался,
как ни странно,
мой маленький народ для тех, с кем жил,
кто кровь ему не раз пускал из жил...

Так жизнь моя сложилась, к сожаленью...

Но вот на миг занесен я сюда –
и душу ты заполнил навсегда
напевом дорогим в одно мгновенье.

Есть что-то генетическое в том,
что узнаваем здесь мне каждый дом,
и Яффские ворота мне знакомы,
что ветер мчит, седины теребя,
что здесь внезапно чувствую себя,
как дома,
находясь вдали от дома...

* *

Что понял я, бродя по переулкам
Варшавы, Рима, Иерусалима?

Что слышал я, когда качалось гулко
ночное эхо – и летело мимо?

Мне кажется,
я был в такие ночи
частицейбесконечности – не больше,
и было мне тогда тревожно очень
в Израиле, Италии и Польше.

Повсюду, в общем-то, одно и то же:
извечный бой Творца иГерострата –
и эта битва мысль мою тревожит
бессмысленной и вечною растратой:

как может сочетаться звон венчальный
со звоном погребальным в наших душах
и как возможно строить гениально,
чтоб в миг один построенное рушить?!

Растасканные камни Колизеев
становятся тюремною стеною,
и Божьи храмы с горестью глазеют
в пространство, нависая надо мною...

Мы все равны, конечно, перед Богом.
Но как Творцу судить нас трудно будет
за все зигзаги пройденной дороги,
где строили и разрушали люди!..

ПО ДОРОГЕ К АРАДУ

Мы ехали в машине по пустыне –
уже была вечерняя пора.

От небольшой стоянки бедуинов
пахнуло сладким запахом костра.

Лежали равнодушные верблюды,
пустыня остывала –
и костер
назад уплыл –
какмаленькое чудо,
случайно сохраненное с тех пор
как предок мой
в преддверье близкой ночи
шатер свой ставил на песок сухой,
и так же ветки саксаула молча
подкладывал он в костерок живой...

И также ночь
под тем же небом синим
светила Моисеевым сынам,
как нынче светит бедным бедуинам
и их незатухающим кострам...

* *

Проказа наших дней – исламский терроризм.
Фанатики хитры, сильны и беспощадны.

Дай волю – и в чадру они оденут жизнь,
исчезнет то, что мы на свете любим жадно.

Вот девушка спешит – прекрасные глаза.
Вот юноша идет – его глаза сияют.

Нет, жизнь одеть в чадру невежества нельзя,
в средневековьи жить кто снова пожелает?

Но пастыри нашлись.
И матери детей
на смерть, а не на жизнь, благословить готовы.

И холод ледяной от странных их идей
окутывает мир тревожно и сурово. ..

* *

Эти камни летят не в мальчишек – солдат,
а в меня,
а в дитя мое малое...

Мы прошли за столетия шквал интифад:
жизнь растила нас, дружбой не балуя.

Эти камни летят не в мальчишек – солдат,
а во всех нас, по свету разбросанных...

А мальчишки – солдаты упрямо стоят
под слепых камнепадов заносами...

* *

Возможно, Бог разочарован в нас:
все гуще облака над головами,
жестокие убийцы за углами
подстерегают даже в мирный час.
Все больше жертв и палачей.
От них
все больше на земле ожесточенья.
И мудрых нет.
И нет святых,
леченьем
способных нас спасти от нас самих

РАВНОДУШИЕ

По мере того, как живем мы
комфортней и лучше,
мы все больше и больше
готовы к любым компромиссам,
лишь бы нам не мешали все то,
что желаем мы, кушать,
лишь бы не отбирали
квартиру, машину и миску...

Потому-то в Европе
и смотрят на все безразлично
те, кому бы извлечь
из истории близкой уроки:
пусть швыряют камни,
стреляют,
казнят
судом Линча
на Кавказе,
в Афгане,
в Чечне
и на Ближнем Востоке...

* *

Подумайте:
ведь корень бедствий прост:
они не оттого, что правд вокруг
не меньше,
чем на ясном небе звезд,
а потому,
что захотелось вдруг
соседу правду навязать свою
хоть – силою,
хоть – плеткой,
хоть – в бою...

ТЕРРОРИСТЫ – СМЕРТНИКИ

Не мальчишек виню и не арафатов:
эти – безумных идей фанаты.

Виню европейцев,
американцев,
которым не хочется в драку ввязаться,
хотя история повторяется:
начнется с евреев,
ими – кончается.

*Написано еще в 1998 год,
задолго до нападения на
Нью Йорк*

* *

Предки мои босоногие,
как я далек
стал от Завета за долгие тысячелетья!

Разных надсмотрщиков
лихо свистящие плети,
острые камни чужих бесконечных дорог...

Нету дороги земной,
где бы я не бродил.

Был под любую горой,
на вершине горы,
за горою...

Я приспособился.

Кажется, даже любил,
плети и камнисчитая своими порою.

Предки мои...

Ни земли,
ни плодов,
ни свободы.
Душу и ум отдавал я охотно другим.

Как же остался при этом собою самим?

Как сохранил свое имя за долгие годы?...

ПЕРЕВЕРНУТЬ ВЕСЬ МИР

Перевернуть весь мир.
Переиначить.
Иные цели для себя назначить.

Перевернуть свой мир не так уж сложно:
одним лишь словом сделать это можно,
одним поступком и одним порывом –
так можно дом в момент разрушить взрывом...
Перевернуть...

Добро б – для лучшей доли!

Но взрыв сам по себе – носитель боли,
он редко создает,
он часто рушит
каменья, храмы, и тела, и души.

Был так нелегок наш далекий путь –
и к пропасти так просто повернуть...

* *

О будущем не думаю всерьез,
поскольку думать грустно и опасно.

Сегодня я опять бродил у звезд
и видел их на удивленье ясно.
С той высоты, где долго я бродил,
увидел снова города былого,
и в этом, право слово, нет плохого:
там новые надежды находил...

* *

Если молодость – время находок,
старость – время потерь.

Потому
так спасительны внучка, внучонок
в это время душе и уму.
Сфокусирует жизнь в их улыбках,
в звонкой радости их голосов
всю опору непрочную зыбкой
почвы старческих поздних годов.

* *

Перескочив десятки стран
и бесконечный океан,
мы приземлились в новой эре,
где прошлого зовущий крик
останется, по крайней мере,
на годы в нас...

Не потому,
что мы тоскуем по нему,
а потому, что за спиною
остались молодость, друзья –
а это оторвать нельзя:
должно отпасть само собою
как оспа...

СИЗИФ

Свой камень в гору качу,
пока позволяют силы.
Мою неземную свечу
еще не задуло ветром.
Кольнуло сердце – молчу.
Кажется, отпустило...
И снова камень качу,
чтобы поставить где-то
поближе к звездам, к луне
и к животворному солнцу,
откуда, наверно, мне
откроются дали, ребята...

И понимаю вполне:
лишь ослабеть доведется –
мой камень скатится вниз,
где взял я его когда-то...

* *

Вот Рембрандт умирает бедняком,
вот перепахана могила Баха,
вот, заложив последнюю рубаху,
Саврасов тешит сердце кабаком.

Постыдные, крутые времена!
Противоречьями история богата:
так на ее скрижалях пишут золотом
бессребренников гордых имена.

ЯНТАРЬ

Вот он и блеснул передо мной –
мягкий свет времен,
давно прошедших,
как улыбка незнакомых женщин,
солнце,
возвращенное волной.

У веков оглохших украдем
это чудо скромное навечно:
пусть оно
нам лунно светит днем,
солнечно – когда наступит вечер.

Потекут века...

И в свой черед
наше солнце в камень превратится.
Будет он на берегу светиться.
И однажды девушка придет –
и янтарь отыщет на песках...

Тот же свет в ее глазах зажжется,
что сейчас веков прошедших солнце
разожгло
в твоих больших глазах!

* *

Желанье рядом с внуками пожить
похоже на наивную надежду
бессмертие в подарок получить
и что-то нераскрытое раскрыть,
в чем не сумел я разобраться прежде,
когда я сам желанным внуком был...

Но бабушку мою фашист убил.

* *

А ты живи на свете много лет
и солнцу смело подставляй лицо!

Увидишь: занимается рассвет, –
считай, что это я прислал гонцов.
Поверь, что эта синяя листва
и парк, умытый ливнями к утру, –
те самые заветные слова,
что живы, даже если я умру.
Считай, что эти росы на траве,
собравшие все радуги земли,
и облака в бескрайней синеве,
и быстрые, как стрелы, журавли –
все для тебя оставлено одной.
И ты живи на свете много лет.
И будешь неразлучна ты со мной...

Не верь, не верь,
что правды в сказках нет!

СТИХИ

Неуклюжие от рожденья –
их порою от сердца жаль! –
вдруг слова обретают движенье,
и круженье,
и восхождение,
на которые, без сомненья,
без поэта способны едва ль.

И сливаются в музыку, в песню.
И не выбросить ни словца:
вдруг – изящны и интересны,
так и рвутся слова в поднебесье,
чтобы жизнь озарить чудесно
по велению их творца.

* *

Что не напишется – то не прочтется.
Что не утеряно – то не найдется.
Что не построено – то не заселится.
Что не распаханно – то не засеется.

Вот отчего я бумагу беру,
щедро дарю я свободу перу:
пусть оно сеет слова – семена,
чтоб одарить урожаем сполна.

Будут в словах моих мысли мои,
счастье мое и тоска о любви,
слезы и радость,
надежды и свет –
все, чем живет в этом мире поэт...

* *

Самый точнейший рисунок акации
не передаст аромат ее милый.

Так знание синтаксиса и пунктуации
сделать поэзией строчки не в силах.

* *

Не успел на помощь я ко многим –
тем, кому хотелось бы помочь:
отвлекали мелочи в дороге,
видеть правду помешала ночь.
А теперь, когда уже не нужно
помогать –
как боль в душе моей
мысль, что я не заслужил их дружбы,
хоть и был всегда среди друзей.
Если бы сегодняшним уменьем
обладал в те прежние года,
больше бы я сделал, без сомненья,
для друзей, чем делал я тогда.
Не умел и не успел.
И где-то
голоса их, руки, добрый смех
канули, как говорится, в Лету,
и уже не исправим мой грех.

* *

Золотою ниткой по канве судьбы
верстовые светятся лет моих столбы,
отмечают радости небольших побед,
троп моих проложенных
чуть заметный след.

Золотая ниточка далеко ведет:
от ворот на входе до выходных ворот.
И узоры разные на канве видны,
потому что всякие выпадали дни.

Вейся, моя ниточка, усложняй узор
то полями светлыми, то теньями гор,
возноси к созвездиям,
в пропасть опусти,
дай узоры новые долго мне плести...

СКЛЕРОЗ

Слеза повисла на реснице –
и прокатилась по щеке:
я вспомнил юность,
и девицу,
и лунный отблеск на реке.

О чем жалеть?
Что было – сплыло:
мне все-таки за шестьдесят.
Тогда мне девятнадцать было...

А что же было день назад?

САТИРА

Смешное не надо придумывать:
живет повсюду оно.
Будет рядом покуривать,
швырять окурки в окно,
шутками станет бросаться,
монетками слов звенеть,
заставит до слез смеяться,
на мир сквозь слезы глядеть...

* *

От матерей ли, или от отцов
берет ребенок взгляд и смех свой звонкий,
а иногда – улыбка мудрецов
встречается в больших глазах ребенка.

Он ничего не знает.
Но уже
идет в душе какая-то работа...

Так зреет наше завтра в малыше,
пока еще по-детски беззаботном.

* *

Свою не взваливаю ношу
на плечи дорогим сынам.
За все расплачиваюсь сам.

Уж лучше сам себя я сброшу
в бездонье,
в пропасть,
в пустоту,
чем в тягость быть и в долг обедать!

Вот только раньше мог я бегать,
а нынче – медленно иду.

* *

Ни за деньги, ни по благу
в рай билетик не купить.
Нищий ты или богатый,
грешнику среди крылатых
ангелов в раю не жить.
И местечка для блаженства
никому не застолбить.

Мне не верилось когда-то
в посмертный приговор:
жил я в той стране, где свято
чтили силу, где когда-то
жил в достатке только вор,
и живет, как кот в сметане,
только жулик до сих пор.

Но теперь, когда к закату
дни мои рекой текут,
верю в праведность расплаты
за находки и утраты,
за обиженного брата,
за сестру, что ты когда-то
на земле обидел,
тут,
где и нищий, и богатый
век коротенький живут...

* *

На что богаты цыники?
На ярлыки да ценники,
зелененьких да синеньких
купюр тугой набор,
на собранность, расчетливость,
насмешку, разворотливость –
то, что правдоискатели
не знают с давних пор...

ВЕЧНАЯ РЕКА

Нам и горе – не беда...
Пережив, спешим куда-то.

А куда спешим?

К закату?

Но и он нам – ерунда.

Потому, что ночь пройдет –
и рассвет займется снова,
и кого-то наше слово
обязательно найдет.

К нашему другой тотчас
слово новое приставит,
предложение составит
в память светлую о нас.

Там, глядишь, еще строка
приплюсуется когда-то...

И течет себе по датам
строчек вечная река.

В КОНЦЕ ПУТИ

Как бы ни было голодно в детстве,
как бы ни было холодно в детстве,
был бы рад, без сомнения, если б
повторил я те годы опять.

Потому что жива была мама,
папа с фронта писал нам.
И сердцем
мог я около них отогреться
и чего-то хорошего ждать...

ПАМЯТИ НАТАШИ ГЕНДИНОЙ

Покидают нас родные люди...

Как, Наташка, жить теперь мы будем
без твоей улыбки и тепла?

Много доброты и много света
нам,
твоим присутствием согретым,
щедро ты за жизнь свою дала.

С юности,
от самой первой встречи,
до конца дружили мы сердечно
и не потому, что мы – родня:
потому что,
если было туго –
поддержать готовы мы друг друга
были
среди воды и среди огня...

Как, Наташка, жить теперь...

Так странно:
нет звонков нам из-за океана,
да и нам тебе не позвонить...

Только утром солнце всходит снова –
ты всегда была ему готова
улыбнуться и окно открыть...

СТИХ ПОЭТА

Неисчерпаемый источник – стих поэта...
В нем – отблески таинственного света.
В нем – призраки таинственных миров.

Есть строчка – ранняя весна.
Есть – лето.
И осень,
что уже полураздета
холодной лапой сумрачных ветров.
Зима...

И счастье – пережить все это!

Докапываюсь снова до основ
со светом солнца
или с лунным светом –
и верю,
что найду вязанку слов,
в которой – аромат сухих грибов,
и тех,
давно ушедших,
силуэты,
и то,
на что жизнь наложила вето,
но что, ей вопреки, любить готов...

Неисчерпаемый источник – стих поэта,
переплетенье страсти,
мысли,
снов...

* * *

Три судьбы.
Три разлуки.
Три боли.

А у нас их не три, а поболее.

А у нас век щедрее на боль
и масштабней, чем прошлые веки...

А содеянное человеком
не приблизило мир да любовь..

Проживаем в тепле да в комфорте
как на странном невидимом фронте,
где ракеты нацелены в нас,
где несут их на нас самолеты,
где с улыбкой соседи охотно
точат нож на соседа подчас...

* *

С Хроносом, конечно, не поспоришь.

Зная это, я сдаюсь ему:
молодому сердцу моему
зеркало с насмешкой корчит рожи.

* *

Все было:
одинокчество...
потери...
находки тоже были...
свет...
и тени...
И был рассвет – ему всегда я верю.
И ночь была.
И жарких тел сплетенье.
Все было.
Все пережито.

А все же –
всей сутью,
всей своей шершавой кожей
я ощущаю остро, как и раньше,
день завтрашний,
сегодняшний,
вчерашний.

* *

Осторожен я и учен:
обжигался порой без меры...

Очень много Медуз Горгон
я встречал в обличьи Венеры...

* *

И когда Близнецы запылали,
из-под неба, из пламени вниз
не слова беспросветной печали,
а слова о любви понеслись.

Я люблю.
Я хочу, чтоб жила ты. —
в раскаленных уже проводах...

Приговором убийцам проклятым
становилась Любовь на глазах.

* *

Страшны не те, кто верит в Бога –
те, кто бездумно и без страха
разбрасывает по дорогам
взрывчатку именем Аллаха.
Завет перетряхнув сурово,
уж сколько лет упрямо, рьяно
они расписывают кровью
суру их ложного Корана...

* *

Хоть и окончен век,
а вот в архив не сдан:
следы его – во всем.
И сумрачность все та же.
Усатым был тиран –
безусым стал тиран.
И солнечный рассвет
все так же мажут сажей.

Тот век отмечен все ж
и песней, и стихом.
Титаны жили в нем,
случались и поэты...

А новый век что даст?

Фанатики огнем
сжигают Близнецов –
и счастливы при этом...

ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ БЛИЗНЕЦОВ

Откровавит рана, заживет.
Город станет лучше и красивой.
По Бродвею девушка пройдет,
улыбаясь глаз веселой синью.
Жизнь убийц в чалмах переживет.
Откровавит рана.
Заживет.
Небоскребы выше прежних встанут...

Убиенным жизни кто вернет?

* *

Правд на земле, увы, не сосчитать.
Своя, одна у каждого из нас.
Давно я понял:
мне не навязать
свою другим.

И я храню сейчас
в себе
все понимания свои
взаимоотношений и любви...

* *

Стоит нашим страстям разгуляться,
как в шторм – океан,
отзовется вся мощь
растревоженной нами природы:
если ненависть
втянет в безумную схватку народы,
сразу Землю тряхнет,
или лавой прольется вулкан...

Так природа, любя,
нам напомнит, что надо бы жить,
заниматься не бойней:
дела поважней есть на свете...

Но, природы
бездумные и непослушныедети,
мы, увы, не услышим
зов матери мудрой своей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ГРАНИЦЕ

Все поделено:
земли, небо, моря,
даже то,
что никак не делится.

Но смотри:
над Детройтом встает заря,
и она же над Виндзором светится.
Ветер – тот, что в детройтские окна бьет,
также бьет и в канадские окна.
Клен в Канаде дождя с нетерпением ждет,
и в Америке ива подсохла...

Где-то в Африке страны делят пески,
где-то в Азии делят горы...
И стреляют друг в друга.
И пьют с тоски,
с озлобления или с горя...
Ни клочка – даже пустоши! – не отдадут.
Грош – цена там соседской жизни...

И всеобщую ненависть
всюду зовут
не проклятием – патриотизмом.

*Написано на мосту между
Детройтом, США и
Виндзором, Канада*

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Задал мне вопрос приятель,
от которого не легче
стало мне,
когда ответа наступил нелегкий час:
– Если нас посетит Создатель,
как пастух своих овец,
почему так часто волки
скалят зубы среди нас?...

* * *

Кто-то говорит:
– Мы идем туда...
Кто-то:
– Мы идем оттуда...

Сколько ни суди,
наш суд – ерунда,
а вот жизнь – из чудес чудо.
Чудо – воздух.
Чудо – вода.
Ветка дерева – сказка.
И жаль,
что дана нам не навсегда
солнца живая ласка.
Нормальный человек не в силах понять,
как можно на краткой дороге
чью-то жизнь без раздумий отнять,
да еще прикрываясь именем Бога.
Бог – не убийца.
Бог – Творец.
Любите Божьи творенья...

Бородач в чалме...
смертоносный свинец...
взрывы...
столпотворенье...

* *

Боюсь, что, подойдя к святому дню
Последнего Суда,
мы в миг один
и там устроим снова толкотню
пред Богом,
как у входа магазин...

* *

Мне к ретуши прибегнуть не хотелось...

Но как же скрыть, любимая, от вас
глубокие морщинки возле глаз
и, так сказать, неаккуратность тела?

Как объяснить, что сердце и душа
не постарели за года разлуки,
что снятся мне под утро ваши руки,
и рвусь тогда я к вам, года круша?

Хоть молодо душа вперед стремится
в миры, где обитаете лишь вы,
но судят нас не по годам – по лицам...

А с этим у меня не то... увы...

* *

Почему,
вспоминая о городе
где фактически жизнь прожита,
я разлуки не чувствую?

Вроде бы
что-то есть наподобье моста,
что связало без бурь и истерик,
без сомнения и суеты
старый берег и нынешний берег
попрочнее,
чем даже мосты...

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Каменные бабы
в каменных степях,
солнцем раскаленные
яростным и жгучим,
с неземной тоскою
в каменных глазах,
с вековой ношей
на плечах могучих.

Каменные бабы.

Вздуты животы.
Каменные лица
в оспинах глубоких.
Словно степь, загадочны,
словно степь, просты,
как степные камни, очень одиноки.

Каменные бабы.

Но однажды нас
здесь гроза застала.
Бился свет над нами.
Я увидел:
слезы из незрячих глаз
потекли внезапно
теплыми ручьями.

А когда с ворчаньем
вдаль ушла гроза,
разбросав зарницы
щедрою рукою,
ей смотрели вслед
счастливые глаза:
так вот смотрят женщины,
вспомнив дорогое...

* *

Часы,
когда мой мир сужается до строчки
иль более того – до запятой и точки,
когда ищу слова,
слога перебираю,
и музыкою рифм, как юноша, играю,
из всех моих часов душе всего дороже:
опять я становлюсь сильнее и моложе,
и молодость души,
и зрелость неустанно
в напитке из стихов я смешиваю странно...

* *

Слепым дождем слова прошли –
и вдруг взошли стихи!

Откуда?
Где корни их?

Они – повсюду,
где наши тропы пролегли...
Я не выдумываю их:
слова растут и зреют сами.
Я собираю их часами,
чтобы сложился краткий стих.
Я собираю в них травинки
истоптанных моих дорог.

Вот так растет душистый стог –
и станет чудом в чистой кринке...

* *

Стихов написано так много
талантливых,
что нынче нам
почти не отыскать дороги
к еще нетронутым словам.

Но все же есть и нам везенье:
неисчерпаемо нова,
по-новому жизнь, без сомненья,
расставит старые слова.

Она по-новому расцветит
любовь и ненависть опять,
и мы, как маленькие дети,
продолжим строчками играть.

И новой женщины дыханье
Поэта щеки обожжет,
и новых листьев колыханье
нам песни новые сплет...

* *

Душа... душа и сердце... или тело...
Связь с небом – и привязанность к земле...

О, как моя душа взлетать хотела
и находила путь в кромешной мгле!
В какие строки обращалась часто
греховность тела, – и душа потом
дарила сердцу молодое счастье
и делала прекрасным все кругом.

Все смешивалось в солнечном коктейле
из леса, неба, звезд, дождей, снегов...

Душа... душаи сердце... или тело...
и тишина... и звездный звон стихов...

ПОЭТ НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ

Когда поэт отпоет свой стих
и посмотрит с надеждой в зал,
важно ему, чтоб на миг притих
зал,
а потом привстал
и выдохнул молча ему в лицо:
– Ты молодец, поэт!
Строки твои – колдовское кольцо,
конца которому нет...

Но редко зал откликается так:
поэзии время ушло,
все чаще думает кто-то:
– Чудак,
что на него нашло?!
О чем мечтает,
рифмы кропя –
о правде или добре?!
Напрасно дергает нас и себя:
климат иной во дворе.
Теперь кто хваток – тот и успел,
а кто не успел – пропал.

Спасибо,
что кто-то пришел и сел
послушать стихи в зал...

Похлопает слушатель.
И уйдет.

А поэт остается один
в мире,
где честь верх над злом берет,
где он, Поэт, господин.

* * *

Когда я заблудился в Ярославле,
вдруг девушка,
идущая навстречу,
Аленушкой печальной обернулась
с картины или старой русской сказки...

Когда бродил по римским гулким переулкам,
тогда меня пленяли итальянки –
сошедшие с холодных постаментов
античных статуй копии живые..

Когда шагал по Яффо или Акко,
мне лица встречных девушек – евреек
напоминали песни Соломона
и Суламифь прекрасные черты...

И каждый раз я думал потрясенно:
как много мы, мужчины, воспевали
подаренных судьбою милых женщин!

Наверно, все написано уже...

Но почему тебя я воспеваю
так,
будто первым женщину открыл,
сокровищницу,
данную мне Богом,
и первым краски нужные нашел?

И почему
никто не исчерпает всех чувств и красок?!..

* *

Был серебряный век в поэзии.

Золотого века не вышло.

Вышел век,
где крупницы золота
были кровью поэтов размешаны.
Вышел век,
где штыки железные,
да дома с железными крышами,
да свинцовое небо,
да лозунги,
вслед кричащие злобно и бешено.

Чем все это окончится?
Светом ли?
Чернотой ли бесконечною
почернее квадрата Малевича,
так любимого всеми эстетамии...

Над домами закат полощется,
не тускнеет золото вечное.

Муза юная – у компьютеров
вместе с будущими поэтами.

* *

И в тридцатых,
и в семидесятых
первые удары – по умам:
умные опасно виноваты –
нет от них покоя дуракам.

* *

Тот, кто Гумилева расстрелял,
сыто жил и сладко почивал.

Тот, кто над Ахматовой смеялся,
у портных известных одевался.

Но года прошли – и кто навек
в благодарной памяти остался?

Человек и недочеловек –
вечный бой в наследство нам достался.

Бой творца и жалкого раба –
вечная российская судьба,
потому что наверху пока
вечный изверг – пан из мужика...

* *

Царь-слабак избегал жестких мер.

Как ружье по сравнению с пушкой,
так охранка была лишь игрушкой
по сравнению с ЧК, например.

НУВОРИШИ РОССИИ

Из грязи в князи выбиться случалось,
из князя в грязь упасть случалось тоже...

Но у князей, что нынче нарождались,
какие мерзопакостные рожи!

* *

Там, после нас, в каком-то поколении
американцы – правнуки мои
не будут знать по-русски, без сомненья,
ни слова...

И мои стихи они
без рассужденья выбросят из дома.
А жаль.

Ведь я писал для них, когда
пошел по новой тропке незнакомой,
того и сам не ведая, куда...

* *

Поднакопив за жизнь и опыта, и мудрости,
использовать не можем их, увы,
не столько из-за мышц печальной скудности,
как из-за осторожной головы:
она советует не дергаться,
поскольку
от всех порывов остается боль – и только...

* *

Без лестниц до вершин взойти,
без тропки в бездну опуститься,
без компаса не отклониться
от азимута и не сбиться
в любых условиях с пути –
всему учила жизнь меня.

Лишь одному не научила:
беречь в пути-дороге силы,
и как бы выюга ни крутила,
не прятать от друзей огня.

* *

Фантасгармония огней
и гром,
сотрясший землю ночью,
прижали нас с тобой тесней
к друг другу –
потому, что прочно
привычка поселилась в нас:
искать друг друга в грозный час.

* *

Снег мой близок,
слишком близок.
Небосвод порой мне низок.
Но упрямо вверх иду,
и снега одолеваю,
в небо плечи упираю
и его приподнимаю –
выше, выше! –
на ходу.

* *

Хоть многие уверены: награда
за все нас ждет и выplatится нам
блаженством рая, вечной мукой ада,
а судят нас бесстрастно по делам –
но суть добра и зла мы понимаем
по-разному.

И, может, потому
неистребимо зло.
И мы швыряем
каменья вслед соседу своему.

ИНКВИЗИТОР

Он был противником колеса
и колесовал того,
кто сделал первую телегу.

Он посмотрел Архимеду в глаза
и с улыбкой вонзил меч в грудь старика.

Он хихикал,
когда мучили Галилея,
и хохотал,
когда сжигали Бруно.

Он кусал от ярости ногти на пальцах,
когда не смог сжечь Коперника и Эйнштейна,
а потом,
переодевшись в черную форму,
жег книги и тела ,
а голубые глаза его светились от радости.

Он оказался бессмертным,
и никто не знает,
в каком углу приподнял он отточенные свои
вилы,
и в чью грудь вонзятся острия через мгновение.

Он счастлив, однако,
что бессмертными оказались и его жертвы:
они воскресают из пепла и земли,
оставаясь при этом наивными и доверчивыми,
словно не было позади страшных уроков.

Они опять и опять изобретают колеса,
чертят на песке времени
новые формулы и фигуры,
перебрасывают из рук в руки
обжигающие звезды,

как горящие угольки –
работа у Инквизитора
есть и никогда не окончится...

* * *

Из предков никого уж нет.

Мы сами превратились в предков.

И внуки – наш глубокий след –
совсем не в нас идут нередко.
Другие лики и дела,
да и сама судьба иная...

А жизнь в борьбе добра и зла
течет себе, не уставая.

Река времен.
Цепочка рук.
Причудливая вязь столетий.

Где корни были наши – вдруг
воронки вычернились...

Ветер
подует, понесет песок –
и нет следов воронок наших,
и внучки тонкий голосок
летит над мартовскою пашней

* *

Не боли, сердечко, тихо, тихо.
Надо боль преодолеть, унять...

Сколько лап отгрызли мы,
чтоб лихо
из капканов памяти удрать,
потому что,
коль не удерешь,
в прошлых бедах быстро пропадешь...

* *

До приговора, до конца
любуйся гением Творца,
игрою красок,
переливом
воды
и ветра говорком,
полетом легких птиц красивым
и шумом листьев, шаловливо
летающих с веток кувырком...

Осталось мало.
Торопись!
Бежать не в силах – так плетись,
но поспеши увидеть что-то,
чего увидеть не успел,
помочь кому-то и кого-то
понять,
в ком – радость от полета,
от миллиона важных дел.

Так прежде, в юности твоей,
с тобою было в вихре дней...

ДЕТЯМ

Отраву жизни выпив до конца,
уйду.
Вы надо мною не рыдайте:
имели вы счастливого отца,
любившего отраву жизни, знайте.

Я все любил: и радость, и печаль,
и тьму, и эту солнечную даль,
и потому из всех последних сил
отраву жизни вдохновенно пил.

* * *

Пофантазировать о том,
как строил бы я жизнь, когда бы
другая жизнь в других масштабах
была дана бы мне потом,
бессмысленно:
я – это смесь
причудливых противоречий,
груз,
взятый гордо мной на плечи
в моей эпохе,
только здесь.

Ползет хребтами лет змея
моих сомнений не напрасно.
В другие годы жить – прекрасно,
но там бы это был – не я.

* *

Закоулки души...
переулки...
тупики..
и проспекты души...

Память эхом проносится гулким.
Были годы и дни хороши,
когда молоды были и трудно
создавали свои города
в этом мире, загадочно чудном,
где прописаны не навсегда...

* *

Занятый работой,
суетой,
вечными семейными делами,
вдруг с какой-то горькой остротой
ощутил:
как мало был я с вами,
синие еловые леса,
хохотун-ручей,
ночные звезды!

Надо слушать мне,
пока не поздно,
ваши песни,
ваши голоса.

Ведь потом,
в грядущие века,
никогда я не услышу больше,
как над лесом ветерок полощет
в чистом синем небе
облака...

* *

По незаметным тропинкам
годы наши ушли.
Вот паутинки – морщинки
около глаз легли.

Но ни тоски, ни смятенья
нет на душе моей:
любимой глаза осенние
подснежников синих синей.

* *

Не кошка скребет, а побольше зверь.
Он не становится меньше с годами...
И страшно, когда ожидание потерь
без перерыва владеет нами.
А их все больше – потерь...
И каких!

А все же не кончилось время находок,
и новым утречком мальчик-стих
мчит по бумаге, гибок и кроток...
Он вдруг усилит любовь мою,
все страхи мои растворит на время,
и тверже я стою на краю,
сбросив в пропасть тревоги бремя.
Легко и светло на минутку мне,
если удачно слова сплетутся,
и новые звезды в ночной тишине
строчками новых стихов зажгутся.

* *

Над Россией бесконечною,
над Америкой прекрасною,
светит утром небо вечное,
всходит утром солнце ясное.
Дымка тает, истончается,
день обычный начинается.

Кто-то вступит в жизнь,
а чья-то жизнь
в этот ясный день кончается...

* *

Горячность сердца в странном сочетании
с холодностью ума –
коктейль, который
способен при особенном старании
пустыню оросить,
разрушить горы,
преодолеть сопротивление стали,
упрямца убедить и разуверить,
открыть для всех таинственные дали,
немерянные мили перемерить...

Мне не бывает страшно и за гранью,
где правит неизведанность сама:
спасет горячность сердца в сочетании
с рассудочной холодностью ума.

* *

Все перемелется
и переменится,
кончится быстро,
сначала начнется.
Вечная мельница
крутится-вертится,
пыль от муки над водою взметнется...

Жаль.

То, что было, вновь сплыло куда-то.
Только в моем нестареющем сердце
живы все встреч наших светлые даты,
лица, которыми не наглядеться...
Улицы старые не перестроятся,
горные тропки позарастают...
В памяти лет моих звонкая конница
мчится бесшумно,
как по небу – стая.

* *

Когда придет пора итоги подводить,
и поседею я,
и от дорог устану,
прошу судьбу меня одним вознаградить:
пускай любимым быть
вовек не перестану!
Пускай в последний час земного бытия
любимая моя –
уже совсем седая –
шепнет:
"Не уходи! Ведь я люблю тебя..." –
и, как последний луч,
вдали потом растает...

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Уж осень показалась во дворе...

Пришла пора в делах не мелочиться,
не придавать значенье мишуре
и к ложной позолоте не стремиться.

Подумать о душе.

Ей подарить
веселый праздник
радостного дела.

Не суесловить.

Искренне любить.

Не лгать себе ни в чем.

...Пора приспела...

* * *

На вселенском витраже все мы –
стеклышки цветные,
наш рисунок до того и запутан,
и цветаст,
что никто не разберет все узоры кружевные,
и никто не приведет никогда в порядок нас.
Иль, быть может, стекла мы
в жизненном калейдоскопе:
что ни день, меняет жизнь
положенье стекол вновь,
и в орнаменте другом –
наши стрелы, наши копыя,
смех и грусть,
дожди и снег,
вдохновенье и любовь.

* *

Вперемежку – ромашка, цикорий,
зверобой и лиловый ирис..

Я приду в Аппалачские горы,
к речке, весело скачущей вниз.
Здесь впервые в Америке, верьте,
в словаре мне не будет нужды:
так знаком мне язык многоцветья
и звенящей на скалах воды.
Одинаково ветер рыдает
вечерами в расселинах скал,
одинаково облако тает,
уходя за ночной перевал.
А единая сила природы –
та последняя тонкая нить,
что когда-нибудь сможет народы
уберечь
или соединить...

* *

Душа всегда ждала чего-то,
жила в работах и заботах,
чего-то в сутолоке дней
для счастья нехватало ей...

И только боль потери страшной
открыла беспощадно мне,
что счастье было
во вчерашнем
обычном суетливом дне...

* *

Упасть во мхи.
Сквозь ветки елей
смотреть в отмытый небосвод.
Почувствовать, как еле-еле
осеннее тепло плывет,
как над последней паутиной,
над иглицей,
над синевой,
над тонкой красною рябиной,
над поседевшей головой,
над всей лесной шуршащей ширью,
над ягодой-брусникой
вновь
поет
невидимая миру
моя весенняя любовь.

* *

До неизбежной нашей тризны
– статист ли, шут ли иль король –
артисты на подмостках жизни,
свою отыгрываем роль.

И я играл в различных масках,
вживался в роль и верил сам,
что эта смесь вражды и ласки
даст красоту моим стихам.

Но вот я постарел.

И ныне
самим собой пытаюсь быть,
и кровь моя взаправду стынет,
когда положено ей стыть.
Скользят всамделишные слезы
из глубины души моей.
Гремят всамделишные грозы
в грохочущих словах сильней.

Еще стоит высоко солнце,
мой вечер светел, мил и тих...

Но как же трудно достается
мне честно выстраданный стих!
Что ни пишу – всего мне мало,
что ни скажу – не то сказал...

Писать и жить сложнее стало,
когда играть я перестал.

СОДЕРЖАНИЕ

« Судьба моя, под занавес позволь »

1. БЫЛО ВРЕМЯ ОДУВАНЧИКОВ

« Было время одуванчиков »

« Лестничными маршами, счастливый »

« Вперед, дружок, на золотой лужок »

« Эмиграции сладко – соленая быль »

« Когда пришла пора воспоминаний »

« Она спросила меня »

Апрель

Встреча

Юность

« У счастливой любви »

« На Шорной улице весна звенела »

« Ты была такою нежной »

« Вдруг сузился мой мир »

Просьба

Любовь

« За радугу, как за рычаг »

« Вглядеться снова в прожитые годы »

Снежно

« Не смел никто другой тебя заметить »

« В твоих руках чарующая сила »

« Пока существует незримая связь »

« Мне жаловаться вовсе не пристало »

« От Песни Песен многие века »

Неумеха

« С кем согрешил? »

Ночи любви

« Ах, если бы, ах, если бы »

« Двадцатый век – мой век уже ушел »

« Кому на поруки мы отданы были »

Если бы

Семейные ссоры

« Иногда мне кажется »

« Когда над детством пошатнулось небо »

« Эшелон, который перед нашим »

Сказка

« Мне детство не дало ребячиться »

« Послевоенная пора. У нас собраться »

Счастье

Тени прошлого

« Как скромны наши матери »

« В нашем хоре не солистом »

« Мои родные там, за тихую рекою »

« Угольком, присыпанным золою »

Причуды памяти

Грустная родословная

Веселая родословная

Памятник жертвам Холокоста в Майями

Послевоенное чтение

Очереди за книгами

Русская эмиграция

« Много друзей – это много свиданий »

« Интересно, кто кажется внукам старше »

Альба Адриатика

« Я выпил молодость, как старое вино »

« Свойство юных – беспечно купаться »

« Мир трагичен. Необычен »

« Конвертируем любовь »

« Растранив по мелочам »

Зеркало в углу

Мечта о новой встрече

« Холодный ум. Холодная душа »

« Подозревал ли, что душа »

« Устойчивы на диво старики »

« Года пришли: морщины бороздят »

« Всю жизнь я скрытных не любил людей »

« Душа моя не стареет »

« Как странно смешаны подчас »

« Я не был юным стариком »

« Я встречаюсь во сне »

« Могу себя я в чем-то обмануть »

« Блаженство длится пять минут »
« За тридцать земель отец и мать »
« Далеко не всем дано »
Одинокая женщина
« Так часто предавали, продавали »
« Как же густо кровь текла по жилам »
« Так много мы наделали ошибок »
Романс
« В твоих местах невяником зовется »
« Ах, юные дурочки... Вы поумнели »
На концерте Камбуровой
Решетки Петербурга
На Мойке
« Мы мнение толпы объявим пустяком »
Грузинская чеканка
У «Портрета Мальчика»
Автопортрет Ван Гога
« Жизнь доказала нам уже »
« Все мимолетно: дни и ночи »
« К земле годами чуть прижаты »
« Мне казалось и кажется скрипкой »
« Этих ступенек клавиши »
« Запас отпущенных мне весен »
« Света и тьмы вековое боренье »
« От момента зачатия »
« Вихри догадок. Идей круговерть »

2. СЕРЕБРЯНЫЕ ГВОЗДИ

« Вглядеться в этот мир, пока еще не поздно »
« Готов в любой момент подняться »
« За бегом мысли я не поспеваю »
Перед дорогой
« И станет слово откровеньем »
« Еще весною не пахнуло »
« Опять весенние рассветы »
Турье озеро
Ледник Моцарта
« Кизгыча студеная вода »

« Здесь скалы высятся над скалами »
« Геологи твердят »
В горах
Воскресный день
Дождь в начале марта
« Желтогрудые птицы на ветках »
« Колючки станут мягче по весне »
Первого апреля
« Этот апрель был дождливым »
Весна на озере Мичиган
Апрельское утро
« Вересковый цвет тугой »
« Май мальчишкой остался »
« Подснежники – такие, как под Минском »
Начало мая. Крым
После грозы
« Весна незаметно сменяется летом »
« Летай, снежок, в январский час »
Майский день
На дюнах
« В начале новой жизни было счастьем »
Вечером
Малиновое лето
« Не сосчитать оттенков зелени »
« Сено сохнет – будто седеет »
Перед днем рождения
« Нам не сбежать от бед »
« И в белых, и в розовых пышных цветах »
« Пустыня, ты была когда-то морем »
« Потекли по травам росы »
Плес
После дождя
На макушке лета
« Полусвет. Рыбачьи сети »
« Час предвечерний на краю села »
« И этот лес старше нас, конечно »
Туман над озером Мичиган
Под платаном

« Вдруг юность выскользнет из рук »
Туман
« Часто, гоняясь за чудесами »
« Извечная смена сезонов »
Раннее утро
Но однажды
Осень
« Как страницы книги, ветер »
Парк Арок
« На осенних листьях напишу стихи »
« Творец не прекращает ни на миг »
В минуту разочарования
« Там, где в зените нашей жизни мы не раз »
« Холодный дождь, смывающий листья »
О мастерстве
« Напелось, нагулялось лето всласть »
« Где музыка рождается? »
« Вот осенняя заря »
« После жары, многодневной и жесткой »
Йеллоустонский Национальный Парк
« Этим летом в Вайоминге, Юте и Колорадо »
Облачная ночь в лесу
Сон о Кавказе
Картины Йеллоустонского Парка
Маслята в Америке
« Когда начнется листопад »
Водопад
Парк Миниваска
« Полет стрекоз на солнце золотом »
« В последних днях перед зимой »
« Снежинок удивительные танцы »
« Кувыркнусь через голову в снег »
« Антоновка к зиме совсем доспела »
Франкенмус
Конец декабря в Miami Beach
« Пока есть что любить, кого любить »
« Занятый работой, суетой »
Новогодний снег
« Звучит романс – души волшебный лекарь »

« Девушка в саду стихи читала »
Струнный ансамбль
« Я до конечной остановки »
« Много стоит каждый день »

3. ЧТО БУДЕТ ВПЕРЕДИ ?

« Что будет впереди? »
« Подкатывает миг, когда под впечатленьем »
« Перепачканные песком »
« Строчек быстрые прописи »
« Вокруг ствола как кот ученый »
Бессмертие
« Доиграй, музыкант, свою партию »
Ханукальная песня
« Пришла пора не каяться – молиться »
Стены Израиля
Читая Книги Пророков
В Иерусалиме
« Что понял я, бродя по переулкам »
По дороге к Араду
« Проказа наших дней – исламский терроризм »
« Эти камни летят не в мальчишек – солдат »
« Возможно, Бог разочарован в нас »
Равнодушие
« Подумайте: ведь корень бедствий прост »
Террористы – смертники
« Предки мои босоногие »
« Перевернуть весь мир »
« О будущем не думаю всерьез »
« Если молодость – время находок »
« Перескочив десятки стран »
Сизиф
« Вот Рембрандт умирает бедняком »
Янтарь
« Желанье рядом с внуками пожить »
« А ты живи на свете много лет »
Стихи

« Что не напишется, то не прочтется »
« Самый точнейший рисунок акации »
« Не успел на помощь я ко многим »
« Золотою ниткою на канве судьбы »
Склероз
Сатира
« От матерей ли или от отцов »
« Свою не взваливаю ношу »
« Ни за деньги, ни по благу »
« На что богаты циники »
Вечная река
В конце пути
Памяти Наташи Гендиной
Стих поэта
« Три судьбы. Три разлуки. Три боли »
« С Хроносом, конечно, не поспоришь »
« Все было: одиночество, потери »
« Осторожен я и учен »
« И когда Близнецы запылали »
« Страшны не те, кто верит в Бога »
« Хоть и окончен век »
После разрушения Близнецов
« Правд на земле, увы, не сосчитать »
« Стоит нашим страстям разгуляться »
Размышления на границе
Вопрос без ответа
« Кто-то говорит: – Мы идем туда »
« Боюсь, что подойдя к Святому дню »
« Мне к ретуши прибегнуть не хотелось »
« Почему, вспоминая о городе »
Каменные бабы
« Часы, когда мой мир сужается до строчки »
« Слепым дождем слова прошли »
« Стихов написано так много »
« Душа...душа и сердце... или тело »
Поэт на творческом вечере
« Когда я заблудился в Ярославле »
« Был серебряный век в поэзии »
« И в тридцатых, и в семидесятых »

«Тот, кто Гумилева расстрелял »
« Царь – слабак избегал жестких мер »
Нувориши России
« Там, после нас, в каком-то поколеньи »
« Поднакопив за жизнь и опыта »
« Без лестниц до вершин дойти »
« Фантасгармония огней »
« Снег мой близок »
« Хоть многие уверены: награда »
Инквизитор
« Из предков никого уж нет »
« Не боли, сердечко, не боли »
« До приговора, до конца »
Детям
« Пофантазировать о том »
« Закоулки души, переулки »
« Занятый работой, суетой »
« По незаметным тропинкам »
« Не кошка скребет, а побольше зверь »
« Над Россией бесконечною »
« Горячность сердца в странном сочетаньи »
« Все перемелется и переменится »
« Когда придет пора годам перебродить »
Осень жизни
« На вселенском витраже »
« Вперемежку ромашка, цикорий »
« Душа всегда ждала чего-то »
« Упасть во мхи »
« До неизбежной нашей тризны »